

92
Г. М. Тумановъ.

Характеристики

— и —

воспоминанія.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

ТИФЛИСЬ.

Типогр. Т-ва „Трудъ“, Михайловская, 97.
1907.

Въ настоящей книжкѣ, какъ и въ
 предыдущихъ, авторъ имѣлъ предвѣ-
 представить вниманію читателей
 легкіе наброски, характеризующіе
 нѣкоторыхъ (по преимуществу кав-
 казскихъ) дѣятелей недавняго про-
 лаго. Особенное вниманіе уделено
 незамѣтнымъ работникамъ. Все доб-
 брое, посѣянное ими, не должно за-
 гложнеть. Пусть эта книжка поспо-
 собствуетъ, хотя бы въ слабой сте-
 пени, дать доброму сѣмени жела-
 тельный всходъ.

Въ отличіе отъ предыдущихъ кни-
 жекъ, настоящая представляетъ не
 простую перепечатку старыхъ ста-
 тей. Нѣкоторые изъ предлагаемыхъ
 очерковъ появляются здѣсь впервые
 (напр. „П. А. Опочининъ“, „изъ ко-
 пилки провинціального журналиста“
 и пр.), другіе представляютъ значи-
 тельную переработку ранѣе появив-

шихся статей, и лишь немногіе очер-
ки („С. Н. Кривенко“, „В. В. Десе-
вичъ“) являются простой перепечат-
кой, почти безъ измѣненій, очерковъ,
помѣщенныхъ въ „Нов. Обозр.“,
„Русск. Мысли“ и др. изд

Августъ

1907 г.

Представители Закавказья въ 1-й и 2-й

Государственной Думѣ.
Въ первой Думѣ.

Просматривая списокъ представителей нашего края, избранныхъ въ Государственную Думу, какъ первую, такъ и вторую, невольно обращаешь вниманіе на обиліе новыхъ именъ. Это большею частью молодые люди, принимавшіе дѣятельное участіе въ освободительномъ движеніи послѣднихъ годовъ. Рядомъ съ ними встрѣчаешь, впрочемъ, и нѣсколько безцвѣтныхъ личностей. Это большею частью избранныки захолустья. Ни сами они, ни ихъ избиратели въ точности не знали, къ какой партіи они принадлежатъ и какой программы или тактики будутъ держаться въ Государственной Думѣ.

Ни въ первой, ни во второй Думѣ социаль-демократы не составляли большинства среди кавказскихъ депутатовъ, но они принимали въ преніяхъ наиболѣе активное участіе и поэтому

казалось, что всё депутаты отъ Кавказа суть социаль-демократы, и начну.

Представителемъ столицы нашего края въ первой Думѣ былъ *Ной Николасвичъ Жорданія*.

Это имя массѣ населенія нашего города, правда, мало было извѣстно, но зато въ социаль-демократической партіи было весьма уважаемо. Это смѣлый и трудолюбивый организаторъ названной партіи, со всѣми ея развѣтвленіями по Закавказью, преимущественно въ Тифлисской и Кутаисской губерніяхъ.

Первоначальное образованіе онъ получилъ въ тифлисской духовной семинаріи, а затѣмъ долго жилъ за границей, гдѣ изучалъ экономическія и общественныя науки. Въ грузинской печати онъ явился первымъ яркимъ представителемъ ученія К. Маркса. Редактируя съ 1898 года грузинскій журналъ „Квали“, изложилъ въ немъ съ большою страстностью великополемическую статью рымскими богами грузинской литературы.

ры, И. Г. Чавчавадзе, Г. Ф. Здановичемъ (Маіашвили) и др. Статьи его производили впечатлѣніе, впрочемъ не столько вслѣдствіе особенной талантливости или образованности ихъ автора, сколько вслѣдствіе убѣжденнаго ихъ тона. Менѣе выдавался онъ, какъ ораторъ. Болѣе былъ извѣстенъ, какъ энергичный организаторъ партіи. Такая дѣятельность приводила его то въ тюрьму, то къ вынужденному переселенію за границу.

Въ первой Думѣ социаль-демократовъ было очень мало и они не составляли особой партіи до вступленія въ Думу кавказскихъ депутатовъ (последніе были избраны позднѣе другихъ). Со вступленіемъ же Жорданія съ товарищами образовалась тамъ особая партія, лидеромъ которой былъ избранъ онъ. Не обладая однако сколько-нибудь удовлетворительно даромъ слова, онъ выступалъ въ Думѣ весьма рѣдко. Болѣе другихъ говорилъ депутатъ Кутаисской губ. *Исидоръ Рамнишвили*, сдѣлавшійся вскорѣ въ нѣ-

которомъ родѣ enfant terrible-мѣ Думы. Онъ является однимъ изъ самыхъ влиятельныхъ послѣ Н. Жорданіа заторовъ въ социаль-демократической партіи на Кавказѣ. Въ концѣ 1905 года, во время острыхъ армяно-татарскихъ столкновеній въ Тифлисѣ, онъ вмѣстѣ со своими нейтральными дружинами принялъ на себя охрану города и былъ фактически, въ теченіе 2 недѣль, распорядителемъ судебъ кавказской столицы. Рамишвили по профессіи народный учитель, умѣетъ хорошо популяризировать свои идеи среди народныхъ массъ. Онъ своими рѣчами производилъ на митингахъ сильное впечатлѣніе. Далекое не такое впечатлѣніе оставляли его рѣчи въ Государственной Думѣ. Онъ не лишень ораторскаго таланта. Обладая мелодичнымъ голосомъ, страстнымъ темпераментомъ, временами остроуміемъ и находчивостью, онъ тѣмъ не менѣе не овладѣвалъ вниманіемъ слушателей въ Думѣ. Успѣху его мѣшали имеретинскій акцентъ, нетвердое

знаніе русскаго языка, крайняя сло-
воохотливость и отсутствіе серьезна-
го образованія. Рѣчи его давали мало
матеріала для законодательной рабо-
ты Думы и носили почти исключи-
тельно агитаціонный характеръ. Дли-
нныя его рѣчи утомляли и раздражали
слушателей и нерѣдко производились
передъ пустымъ заломъ.

Болѣе серьезнымъ ораторомъ отъ
соціалъ-демократической партіи въ
первой Думѣ являлся другой депутатъ
отъ Кутаисской губ. *С. Д. Джапаридзе*. Онъ читалъ декларацію этой
партіи и затѣмъ принялъ горячее уча-
стіе въ преніяхъ по вопросу о сво-
бодѣ собраній. До того С. Джапаридзе
хорошо былъ извѣстенъ кутаисцамъ,
какъ одинъ изъ лучшихъ мѣстныхъ
адвокатовъ и энергичный обществен-
ный дѣятель, принимавшій участие
въ мѣстныхъ дворянскихъ и банков-
скихъ собраніяхъ. На выборахъ въ
Думу онъ явился, неожиданно для
многихъ, какъ кандидатъ соціалъ-де-
мократовъ. Ранѣе онъ примыкалъ къ

разнымъ такъ-называемымъ буржуазнымъ партіямъ, не исключая даже партіи пресловутаго кутаисскаго эксканковскаго дѣятеля Кал. Чикваидзе.

Виднымъ дѣятелемъ социаль-демократіи въ Думѣ былъ также депутатъ отъ Кутаисской губ., г. Гомартели.

Молодой врачъ *И. Гомартели* хорошо извѣстенъ въ грузинской и мѣстной русской печати, какъ литературный критикъ и публицистъ по экономическимъ вопросамъ. Онъ въ 1901 и 1902 гг. помѣстилъ въ „Нов. Обзор.“ рядъ статей, въ которыхъ подвергъ критикѣ нѣкоторыхъ грузинскихъ публицистовъ съ узко-націоналистическими тенденціями, а также нѣкоторыхъ беллетристовъ и поэтовъ (Арагвиспирели, Гр. Абашидзе, Евдошвили и др.). Онъ одно время находился въ опалѣ у своей партіи, въ виду того, что не въ достаточной степени придавалъ значеніе борьбѣ классовыхъ интересовъ, въ иныхъ случаяхъ признавалъ, напротивъ, солидарность этихъ интересовъ, выдвигалъ вопросы,

чуждые основамъ социаль-демократи-
ческой программы, объ эстетическомъ
развитіи, любви къ родинѣ и родно-
му языку и пр.

Пятымъ представителемъ кавказ-
ской социаль-демократической партіи
въ первой Государственной Думѣ былъ
депутатъ отъ Тифл. губ. *С. Церетели*
— личность малоизвѣстная и неприя-
вившая своей дѣятельности въ Думѣ.
Извѣстно лишь, что онъ одно время
писалъ въ грузинскихъ газетахъ и за
свою агитаторскую дѣятельность былъ
лишенъ священническаго сана. Его не
слѣдуетъ смѣшивать съ депутатомъ
2-й Госуд. Думы отъ Кутаисской губ.
тоже Церетели (о которомъ рѣчь впе-
реди), лидеромъ социаль-демократиче-
ской партіи.

Всѣ вышеупомянутые депутаты—
социаль-демократы, грузины, предста-
вители Тифл. и Кутаисской губ.

Остальные двое грузинъ, члены 1-й
Госуд. Думы, принадлежали: одинъ
(кн. Баратовъ) къ социаль-федералист.
партіи, а другой (кн. П. Шервашидзе)

—къ группѣ безпартийныхъ правыхъ.

Кн. Юс. Ал. Баратовъ, депутатъ отъ Тифл. губ., молодой присяжный поверенный, бывший гласный тифлисской городской думы, ораторъ грузинской партіи автономистовъ на митингахъ. Въ Государств. Думѣ онъ примкнулъ къ трудовикамъ и автономистамъ.

Ген. кн. Прок. Шервашидзе — представитель Батумской обл. и Сухумскаго окр.; мало извѣстенъ, какъ политическій дѣятель. Въ работахъ Думы онъ не игралъ никакой активной роли.

Мусульманская группа по численности была равна грузинской, но играла въ Думѣ менѣе активную роль и не занимала столь рѣзко оппозиціоннаго положенія по отношенію къ правительству. Всѣ депутаты-мусульмане примкнули къ партіи народной свободы.

Изъ нихъ въ Думѣ наиболѣе выдвинулся представитель Елисаветпольской губ., *г. Зіатхановъ*. Онъ, какъ бывший товарищъ прокурора, хорошо

былъ знакомъ съ провокаціонной подкладкой армяно-татарскихъ столкновений. Сдѣланныя имъ въ Думѣ по этому поводу разоблаченія надѣлали у насъ столько же шуму, сколько надѣлали въ Россіи и Западной Европѣ одновременныя съ ними разоблаченія кн. Урусова, бывшаго товарища министра внутр. дѣлъ, въ то время уже члена Госуд. Думы.

Другимъ выдающимся представителемъ мусульм. группы нужно считать присяжн. повѣреннаго и бывш. редакт. „Каспія“ *Али-Марданъ-бека Топчибашева*. Онъ въ Думѣ мало выступалъ, но въ мусульманской группѣ не только кавказской, но и общерусской, игралъ весьма замѣтную роль. Онъ былъ избранъ предсѣдателемъ этой группы и сохранилъ свое положеніе и впоследствии, когда всѣ мусульмане объединились въ самостоятельную парламентскую и виѣпарламентскую партію. Несмотря на такое свое вліятельное положеніе, Топчибашевъ, подобно Жорданіа, не попалъ уже во-

2-ую Государств. Думу, въ виду того, что былъ привлеченъ къ судебной отвѣтственности за подписаніе ^{выборг} скаго воззванія. Какъ человекъ очень осторожный, г. Топчибашевъ высказывается не всегда ясно. Поэтому многіе вспоминаютъ его былую солидарность съ пресловутымъ Величко, его національную односторонность и несовсѣмъ довѣряютъ его радикализму.

Въ мусульманскую группу также входили: представитель Елисаветпольской губ. *Абдураимъ-бекъ Ахвердовъ*, занимавшій до того должность члена шушинской городской уѣзды; представители Бакинской губерніи: *Мамедъ Таш Алиевъ* и *Асадулъ-бекъ Мурадхановъ* (г. Аліевъ—съ высшимъ образованіемъ, воспитанникъ петровской академіи, долго путешествовалъ по Европѣ и Азіи, а также служилъ по министерству финансовъ; въ послѣдніе годы занимался сельскимъ хозяйствомъ у себя на родинѣ, въ шемахинскомъ уѣздѣ; г. Мурадхановъ—бывшій сельскій учитель, въ послѣднее вре-

мя состоялъ переводчикомъ джеват-
 скаго мирового посредника); ^{представитель} ~~представитель~~
 витель татаръ Эриванской губернии ^{Мобали-ханъ Эриванскій} ~~Мобали-ханъ Эриванскій~~, бывший чи-
 новникъ особыхъ порученій при эри-
 ванскомъ губернаторѣ, и представи-
 тель Карсской обл. *Захарій-бекъ Аджар-
 скій*.

Дагестанская область вкупѣ съ за-
 катальскимъ округомъ должны были
 избрать двухъ членовъ Государствен-
 ной Думы, но выборы не состоялись.
 4 округа совсѣмъ отказались отъ уча-
 стія въ выборахъ. Одна часть выбор-
 щиковъ остальныхъ округовъ Даге-
 станской области не явилась на вы-
 боры; другая же часть, хотя и яви-
 лась, не могла сойтись въ выборѣ
 кандидатовъ съ закатальцами и го-
 родскими выборщиками и также воз-
 держалась отъ выборовъ. Такимъ об-
 разомъ выборы вовсе не состоялись.
 Это объясняется обособленностью да-
 гестанцевъ отъ общегосударственной
 жизни. Они управляются по своимъ
 обычаямъ, своими же администрато-

рами. Единственно, что напоминает дагестанцамъ объ ихъ связи съ остальной Россіей—это общность повинностей, чрезвычайно тяжелыхъ для нихъ, какъ для обитателей голыхъ, бесплодныхъ горъ. Они представить не могли себѣ, какъ это Государственная Дума будетъ заботиться объ ихъ нуждахъ, жить общими съ ними интересами. При выборахъ во 2-ую Думу дагестанцы измѣнили свое отношеніе къ нимъ и послали въ Думу своихъ представителей.

Армяне-депутаты, подобно мусульманамъ, въ 1-й Думѣ примкнули къ конституціонно-демократической партіи.

Изъ нихъ, по своей прошлой дѣятельности, наиболѣе былъ извѣстенъ депутатъ отъ Эриванской губерніи *К. М. Теръ-Петросіанъ*, съ высшимъ образованіемъ; долго служилъ по министерству земледѣлія; затѣмъ два раза избирался въ александропольскіе городскіе головы. Въ этой послѣдней должности онъ проявилъ много энергіи; при немъ въ Александрополѣ бы-

ли открыты городской общественный банкъ и коммерческое училище.

Д-ръ Х. И. Баатуровъ, — представитель армянъ Елисаветпольской губерніи, человекъ уважаемый у себя на родинѣ, въ Шушѣ, гдѣ онъ состоялъ членомъ примирительной армяно-татарской комиссіи; по непонятной причинѣ былъ высланъ въ 1905 г. административнымъ порядкомъ въ Оренбургскую губернію. Это, кажется, единственный представитель армянъ, серьезно изучавшій вопросъ объ автономіи. По его мнѣнію, національно-территориальная автономія осуществима не только въ Западномъ Закавказьѣ, Грузіи, но и въ армянскихъ областяхъ. Въ послѣднее время, въ виду армяно-татарскихъ столкновений, по его словамъ, произошла естественная группировка національностей въ Эриванской и Елисаветпольской губерніяхъ. Возвышенности заняли армяне, низменности — татары. Такимъ образомъ образовалась территория со

силошнымъ армянскимъ населеніемъ,
отдѣльно отъ территоріи, населенной
татарами.

Представитель отъ Тифлисской губ.
— *А. Г. Айвазянъ* кончилъ курсъ въ
тифлисской армянской духовной се-
минаріи, по профессіи медикъ; на сво-
ей родинѣ, въ Ахалцыхѣ, извѣстенъ,
какъ прогрессивный общественный
дѣятель; въ 1905 году онъ былъ из-
бранъ представителемъ ахалцыхскаго
уѣзда въ тифлисское губернское со-
вѣщаніе по вопросу о введеніи на Кав-
казѣ земскаго самоуправленія.

Представитель армянъ Эриванск.
губ. — *Леонъ Фил. Туманіанъ*, частный
повѣренный по судебнымъ дѣламъ,
нелишенный ораторскаго таланта. Хо-
рошо знаетъ крестьянъ, будучи самъ
изъ крестьянскаго сословія.

Армяне-депутаты, подобно мусуль-
манамъ, принимали въ преніяхъ по об-
щимъ вопросамъ слабое участіе, стре-
мились лишь возможно ярче нарисо-
вать неприглядное положеніе наше-
го края и выяснить истинную под-

кладку происходившихъ въ то время армяно-татарскихъ столкновений. Они вмѣстѣ съ тѣмъ принимали участие въ работахъ многочисленныхъ думскихъ комиссій.

Во 2-й Думѣ.

Вторая Дума отличалась отъ первой, какъ извѣстно, тѣмъ, что въ ней, во второй, въ большемъ числѣ были представлены крайнія партіи: правая и лѣвая. Въ первой Думѣ кадеты (партія народной свободы) и примыкающіе къ нимъ по многимъ важнымъ вопросамъ трудовики и безпартійные лѣвые составляли значительное большинство. Правыхъ почти совсѣмъ не было: нѣсколько монархистовъ укрывались подъ флагомъ безпартійныхъ, было также только нѣсколько октябристовъ, которые составляли лишь 2,9% всего состава Думы. Между тѣмъ какъ во второй Думѣ октябристовъ было 7%, а вмѣстѣ съ остальными правыми—14%. Въ первой Думѣ

соц.-революціонеровъ совсѣмъ не было, такъ какъ они бойкотировали ея; народныхъ социалистовъ тоже не было, такъ какъ эта партія образовалась позже. Соціаль-демократовъ было нѣсколько человекъ, которые лишь съ прибытіемъ 5 кавказскихъ депутатовъ рѣшились сформировать самостоятельную партію. Во второй же Думѣ эти крайнія лѣвыя партіи (безъ трудовиковъ) имѣли около 100 представителей, т. е. 20% всего состава Думы, а вмѣстѣ съ трудовиками, значительная часть которыхъ часто голосовала съ ними—около 200 чел., или 40%.

Сообразно съ этимъ измѣнился и составъ кавказскихъ депутатовъ. Въ 1-й Думѣ значительное число ихъ составляли кадеты (около 11 чел.), социаль-демократы имѣли только 5 представителей (всѣ—меньшевики), социаль-федералисты— 1-го, правые— 1-го. Во второй Думѣ въ партіи народной свободы изъ представителей Закавказья числились только 3, къ нимъ примыкали 2 мусульманъ, социаль-де-

мократовъ было 9, къ прочимъ лѣвымъ партіямъ примыкали еще 2. Правыхъ совѣмъ не было.

Кавказскіе социаль-демократы и во 2-й Думѣ сохранили свое вліятельное положеніе. Лидеромъ ихъ выступилъ молодой депутатъ отъ Кутаисской губерніи *Ираклій Георіевичъ Церетели*, сынъ извѣстнаго грузинскаго писателя Г. Е. Церетели, основателя перваго грузинскаго марксистскаго журнала „Квали“. Церетели политикой интересовался со студенческой скамьи, былъ предсѣдателемъ объединенныхъ землячествъ въ московскомъ университетѣ; въ 1901 г. былъ сосланъ въ Сибирь за участіе въ студенческихъ беспорядкахъ; пріѣхавъ въ 1903 году на Кавказъ, редактировалъ журналъ „Квали“. Въ Думѣ онъ проявилъ себя недюжиннымъ ораторомъ. Выгодно выдѣлялся онъ отъ Рамішвили и другихъ социаль-демократическихъ ораторовъ снужкойствіемъ тона и обиліемъ доводовъ.

Послѣ Церетели наиболѣе активную роль во 2-й Думѣ, изъ кавказскихъ депутатовъ, игралъ *Ари. Герц* депутатъ отъ г. Тифлиса, единственный армянинъ среди думскихъ социалъ-демократовъ. Болѣе всего онъ извѣстенъ по инциденту при обсужденіи въ закрытомъ засѣданіи Думы законопроекта о комплектованіи арміи. Высказываясь противъ принятія этого законопроекта, г. Зурабовъ, какъ сообщали газеты, заявилъ, что при настоящемъ режимѣ наша армія борется только съ народомъ, а въ борьбѣ съ внѣшними врагами она безсильна. Грубыя выраженія по адресу войска чуть не послужили поводомъ къ закрытію Государственной Думы. Въмѣшательство предсѣдателя Думы, г. Головина, смягчило всю остроту инцидента и оттянуло существованіе 2-й Думы на 1½ мѣсяца.

Зурабовъ—уроженецъ г. Тифлиса, сынъ чиновника, учился въ харьковскомъ технологическомъ институтѣ и петербургскомъ лѣсномъ институтѣ,

курса которыхъ не кончилъ. По от-
 бытіи воинской повинности, въ 1901 г.
 былъ зачисленъ прапорщикомъ запаса
 и откомандированъ въ Ташкентъ, гдѣ
 былъ арестованъ и просидѣлъ въ тюрь-
 мѣ до января 1906 г. Въ этомъ году
 онъ издавалъ въ Тифлисѣ короткое
 время социаль-демокр. органъ на ар-
 мянск. яз. „Осанкъ“, ранѣе писалъ въ
 „Таразѣ“ статьи по экономическимъ
 и литературнымъ вопросамъ.

Вліятельнымъ членомъ кавказской
 социаль-демократіи считается также
 депутатъ отъ Тифлисской губерніи
Арчилъ Лев. Джанаридзе; учился въ
 тифлисскомъ реальномъ училищѣ и
 московскомъ университетѣ, гдѣ курса,
 вслѣдствіе студенческихъ волненій
 1901 г., не кончилъ. Затѣмъ учился
 за границей, а въ 1904 г., возвратив-
 шись домой, принялъ участіе въ гру-
 зинской печати. Извѣстна его брошю-
 ра по національному вопросу.

Къ той же партіи принадлежали:
 члены Думы отъ Тифлисской губерніи.
Север. Моис. Джуели (учился въ ду-

ховной семинаріи, но не кончилъ курса; писатель) и *Ник. Аидомел.* *Караишвили* (крестьянинъ, короткое время учился въ тифлисской дворянской гимназіи); депутаты отъ Кутаисской губ.—*Герас. Эом. Махарадзе* (кончилъ курсъ кутаисской духовной семинаріи, нѣкоторое время слушалъ лекціи на восточномъ факультетѣ петербургскаго университета и на юридическомъ факультетѣ юрьевскаго университета) и *Викент. Б. Ломтатидзе* (учился въ кутаисской сельско-хоз. школѣ) и депутатъ отъ Батумской области и Сухумскаго окр.—*Конст. Павл. Канделакки* (рабочій).

Мусульманская группа кавказскихъ депутатовъ во 2-й Думѣ не имѣла выдающихся представителей. Одни изъ нихъ входили въ составъ партіи народной свободы, какъ наприм., представитель Дагестанской обл. и закавказскаго окр. *Бей-Бала-бекъ Султановъ* и изъ Эриванской губ. *М. Шахтахтинскій*; другіе по общимъ вопросамъ примыкали къ этой партіи,

а именно представители Елисаветн. г. *Хасмамедовъ* и *Ханъ-Хойскій* (оба бывшіе товарищи прокурора, оба съ высшимъ образованіемъ). Остальные же приписались къ разнымъ крайнимъ лѣвымъ партіямъ; таковы представители Бакинской губ. — *Зейналъ Зейналовъ* (рабочій) и *Мустафа Махмудовъ* (крестьянинъ, кончилъ курсъ въ учительской семинаріи въ Гори, завѣдывалъ русско-татарской школой въ Баку) и представитель Дагестанской обл. и закатальскаго окр. — *Алай-бекъ-Ала-олы Кардашевъ* (педагогъ). Представитель г. Баку, сынъ извѣстнаго милліонера, *Измаилъ Таиговъ* (учился въ бакин. реальномъ училищѣ, былъ представителемъ отца по торговымъ дѣламъ за границей и въ Россіи), по избраніи, вскорѣ отказался отъ званія депутата, какъ писали въ газетахъ, вслѣдствіе недоразумѣній изъ-за расходовъ по представительству, и новыхъ выборовъ не было произведено въ Баку.

Всѣ вышеназванные мусульмане-депутаты входили вмѣстѣ съ тѣмъ въ

составъ мусульманской партіи, образовавшейся во 2-й Думѣ и часто смыкавшейся къ партіи народной свободы или къ трудовикомъ

Депутаты-армяне, какъ и въ 1-й Думѣ, проявляли болѣе дѣятельности въ комиссіяхъ, чѣмъ въ самой Думѣ. Почти всѣ они, какъ въ 1-й, такъ и во 2-й Думѣ, состояли изъ лицъ съ высшимъ образованіемъ и до нѣкоторой степени подготовленныхъ къ законодательной работѣ.

Кромѣ вышеназваннаго Зурабова (соціалъ-демократа), вужно упомянуть о представителѣ Карсской обл.—*Юс. Нерсес. Атабеговъ* (агрономъ, кончилъ курсъ въ гогенгеймской сельско-хоз. академіи, землевладѣлецъ, к.-д.); депутатахъ отъ Эриванской губ. *Ив. Як. Сагателянъ* (прис. повѣр., кончилъ курсъ въ москов. университетѣ) и *Сирак. Фад. Тирановъ* (юристъ, состоялъ инспекторомъ тифлисск. духовной семинаріи) и депутатъ Елисаветпольской губ.—*Ст. Теръ-Австикіанъ* (кончилъ курсъ въ учительскомъ ин-

ститутъ въ Тифлисъ, состоялъ учителемъ елисавети. городского училища. Последніе трое принадлежатъ мявской партіи „дашнакцутюнъ“ и въ Думѣ примкнули къ соц.-рев. партіи. *) Партія „дашн.“ въ 1-й Думѣ не имѣла представителей вслѣдствіе объявленнаго ею бойкота Думѣ.

Неожиданная для многихъ побѣда социаль-демократовъ на кавказскихъ выборахъ вызвала въ обществѣ и печати оживленные толки. Многіе недоумѣвали, почему побѣдили социаль-демократы, когда, казалось, нѣтъ никакой почвы для ихъ дѣятельности на Кавказѣ. Рабочій классъ представляется интересомъ, въ которомъ они выступаютъ, составляетъ ничтожный процентъ въ составѣ населенія. Какъ разъ въ тѣхъ районахъ, гдѣ много рабочихъ, партія эта терпѣла пораженіе: такъ, напримѣръ, Баку, гдѣ на выборахъ, какъ въ иркутской и восточносибирской и виводныхъ зонахъ.

*) Юблзтой партіі елму нолке вѣ очерткѣ „Христъ Манаеліанъ“ вѣ адолжж ародствѣ

2-ую Думу, прошли лица, непринадлежащая къ этой партіи (Топчибашевъ и Тагіевъ), Батумъ, гдѣ на выборахъ прошелъ правый—кн. Шервашидзе, и шорпанскій уѣздъ, Кутаисской губ., гдѣ на вторыхъ выборахъ прошли социаль-федералисты. Социаль-демократы же имѣли успѣхъ преимущественно въ крестьянской и буржуазной (Тифлисъ) средѣ. Очевидно, что въ побѣдѣ этой рѣшающую роль играла не программа партіи.

Необходимо указать на избирательную тактику социаль-демократовъ. Туземныя газеты (армянскія и грузинскія) обращали вниманіе на некорректное отношеніе социаль-демократовъ къ выборамъ, на то, что населеніе ими было терроризовано и пр. Не отрицая, что указаніе это не лишено основаній, справедливость требуетъ, однако, отмѣтить, что велучше, съ этической точки зрѣнія, относились къ выборамъ и другія крайнія партіи. На это указываетъ, наприм., разборъ жалобъ на послѣдніе выбо-

ры въ тифлисской городской избира-
 тельной комиссіи. Наконецъ, вспомнить, при какихъ условіяхъ про-
 ходили вторые выборы, когда прави-
 тельствомъ были приняты строгія мѣ-
 ры противъ избирательной агитаціи.

Сами социаль-демократы придаютъ
 большое значеніе самоотверженному
 служенію. „...Взгляните на наши тюрь-
 мы, восклицаетъ г. Г—въ (см. „За-
 кавказье“ № 37, 1906 г., статью „Чѣмъ
 побѣдили социаль-демократы?“.) Кѣмъ
 овѣ переполнены? 99⁰/₀—грузинами-
 соц.-демократами“ Тутъ очень много
 преувеличенія. Въ тюрьмахъ сидятъ и
 несоциаль-демократы, и негрузины.
 Другія мѣстныя революціонныя пар-
 тіи не менѣе умѣли страдать за свои
 убѣжденія. Самыя социаль-демократи-
 ческіе органы много разъ заявляли,
 что они ничего не имѣютъ общаго съ
 бомбометателями. А между тѣмъ, имен-
 но послѣдніе болѣе другихъ умѣли
 жертвовать собой, болѣе другихъ на-
 полняли собой тюрьмы. Да и не од-
 ни представители революціонныхъ

партий рисковали жизнью въ послѣд-
нее жестокое по своей остротѣ бо-
рьбѣ время. Много жертвъ въ рядахъ почти всѣхъ партий, не исклю-
чая и буржуазныхъ.

Тотъ же авторъ указываетъ на то, что кавказскіе социаль-демократы, исклю-
чивъ изъ своей программы національ-
ный вопросъ и выдвинувъ вопросъ
объ измѣненіи обще-политическихъ
условій жизни, тѣмъ самымъ
попавъ въ тонъ массы населенія.
Но въ то же время кадеты, отъ чего
они не имѣли успѣха въ Тифлисской
и Кутаисской губерніяхъ? Увѣреніе,
что кадеты буржуазная партія и потому
потому она не можетъ найти поддер-
жки въ народѣ, ни на чемъ не основано.
Программа кадетовъ — программа
народной свободы и во многомъ со-
впадаетъ съ программой Блемансе
и Гладстона и съ программой франц.
соціалистовъ-радикаловъ. Энджелопон
-Секретъ успѣха кавказскихъ соци-
алъ-демократовъ въ томъ, что на шестомъ мѣстѣ он
кроется оное же въ другомъ мѣстѣ. Необы-

ходимо отмѣтить, во 1-хъ, лучшую организованность ихъ сравнительно съ другими партіями. Кадеты были слабы, потому что они здѣсь не имѣли тѣхъ очаговъ для распространенія своего вліянія, которыми пользовались во внутреннихъ губерніяхъ: на Кавказѣ нѣтъ ни земскихъ учреждений, ни высшихъ учебныхъ заведеній. Соціалъ-демократы на Кавказѣ организовались значительно ранѣе, чѣмъ кадеты. Народническія партіи мало обращали вниманіе на парт. дисциплину и не имѣли вліянія въ народной массѣ. Партія „дашнакцакановъ“ бойкотировала 1-ю Госуд. Думу и выступила только на вторыхъ выборахъ. Въ общемъ же она интересовалась спеціально армянскимъ вопросомъ и слабо реагировала на освободительное движеніе 1904—1906 гг., будучи отвлечена происходившею въ то время армяно-татарскою рѣзней. Соціалъ-демократическая же партія организовалась на Кавказѣ лѣтъ 10 тому назадъ и сразу ввела у себя строгую партій-

ную дисциплину. У партіи этой не было таких выдающихся литературных дѣятелей, какъ у другихъ партій (какъ напр., Ак. Церетели и И. Г. Чавчавадзе— среди грузинскихъ автономистовъ, Агаронянъ — среди дашнакпакановъ), но главари ея (Жорданія, Церетели, Рамишвили) обладали организаторскимъ талантомъ и благодаря этому создали среди рабочихъ и вообще трудящагося люда сильную партію со строго опредѣленною фізіономією и съ густою сѣтью провинціальныхъ отдѣленій.

Вторая и притомъ главная, хотя и малоотмѣчавшаяся печатью, причина усиленія соціалъ демократовъ на Кавказѣ заключается въ умѣнн ихъ реально заинтересовать массы въ успѣхѣ этой партіи. Энергичное устройство стачекъ среди рабочихъ и бойкота среди крестьянъ и терроризированіе торгово-промышленнаго и землевладѣльческаго классовъ населенія на этой почвѣ—дали благоприятные для трудящихся массъ результаты. Значительно сокращень вслѣдствіе этого

рабочій день, увеличена рабочая плата, уменьшена арендная плата за земли, улучшено вообще положение рабочего класса (врачебная помощь, заводская обстановка и пр.). Трудящиеся классы во-очію видѣли, къ какому благому результату ведетъ социаль-демократическая партія, и охотно подчинились ей. Подчинились ей и терроризованные стачками и бойкотами буржуазные элементы.

Но насколько прочна такая побѣда?

Неумѣренно практикуемая стачки и бойкоты, нѣтъ сомнѣнія, ведутъ страну къ хозяйственной дезорганизаціи, сокращаютъ вездѣ производство, создаютъ дороговизну жизни, создаютъ обширный классъ безработныхъ, быстрыми шагами ведутъ страну къ полному разоренію. Это ослабляетъ народъ, озлобляетъ буржуазію, усиливаетъ правительство. Вотъ тотъ конечный результатъ, къ которому неминуемо должна бы привести нынѣшняя тактика социаль-демократовъ, если бъ она

могла свободно развиваться. Но свободно развиваться такой тактикѣ не дають ни правительство, ни передупрежденные буржуазные классы населенія. Если социаль-демократы еще сохранять силу и нескоро ее потеряютъ, то этимъ они будутъ обязаны своимъ политическимъ противникамъ, которые противъ нихъ ничего, кромѣ репрессій, не выставляютъ. Социаль-демократію могутъ ослабить только серьезныя реформы, которыхъ, увы, мы все еще не видимъ.

Хр. Микаэлянъ.

ՀԱՐՈՅԵՅԱՆ
ՏՐԱԿՏՈՐ

Въ 1905 г. въ Болгаріи одинъ изъ вождей армянской партіи „Дашнакцутюнъ“. Партія эта—самая вліятельная въ армянскомъ народѣ, а Микаэлянъ былъ самымъ вліятельнымъ вождемъ этой партіи. Поэтому стоитъ остановиться на личности этого замѣчательнаго челоѣка, даже не раздѣляя его взглядовъ.

Я съ нимъ познакомился въ 1894 г., въ бытность мою редакторомъ „Нов. Обозр.“ и въ бытность его корректоромъ этой газеты. Онъ въ теченіе четырехъ лѣтъ съ небольшимъ перерывомъ (нѣсколько мѣсяцевъ сидѣлъ въ тюрьмѣ) несъ эту черную работу съ необыкновенною добросовѣстностью. И я рѣшительно не догадывался, когда онъ успѣвалъ читать армянскія газеты, слѣдить за современною армянской жизнью и играть въ ней выдающуюся роль. Впрочемъ я тогда не подозрѣвалъ въ немъ выдающагося дѣятеля и предполагалъ, что это

очень честный, стойкій, но все же рядовой сторонникъ новаго теченія въ армянской жизни. Такъ было нѣкоторое время. Собственной партіи у него тогда не было и онъ примыкалъ къ послѣдователямъ Гр Арцруни, незадолго до того скончавшагося редактора газ. „Мшакъ“.

Микаэлянъ былъ до того учителемъ; къ этой профессіи подготовлялся онъ съ дѣтства; учился въ александровскомъ учительскомъ институтѣ (въ Тифлисѣ), затѣмъ нѣкоторое время слушалъ лекціи въ петровско-разумовской землед. академіи, учительствовалъ на родинѣ, былъ высланъ въ Бессарабію по подозрѣнію въ политической агитаціи. Будучи корректоромъ въ „Нов. Об.“, М. писалъ рѣдко и брался за перо только тогда, когда что-нибудь глубоко волновало его.

Будучи самъ принципіаленъ до мозга костей, неумолимо послѣдователенъ въ согласованіи слова съ дѣломъ, покойный не могъ выносить оппортунизма другихъ.

Внѣшность, красивая фраза не играли для него никакой роли. Отъ писателя, отъ оратора онъ требовалъ прежде всего глубокой, непоколебимой преданности идеѣ. Малѣйшая нецелѣсообразность въ исполненіи долга или разъ намѣченной программы выводила его изъ терпѣнія. Еще болѣе сердили его отсутствіе строго определенной программы, политическая манювренность.

Одно время въ кавк. обществѣ сельскаго хозяйства работало много молодыхъ силъ. Засѣданія устраивались часто, читались доклады самые разнообразныя. Мы всѣ, кто чаялъ что-то новое въ этой оживленной дѣятельности общества, упустили изъ виду то, на что открылъ намъ глаза только Микаэлянъ.

—Приглядитесь хорошенько къ этой пестрой работѣ, прислушайтесь къ этому шуму, говорилъ онъ намъ,—и вы скоро поймете всю эфемерность этого оживленія. У всѣхъ этихъ выдающихся общественныхъ дѣятелей

нѣтъ главнаго, того, что требуется прежде всего. У нихъ нѣтъ программы. А безъ программы мѣсяцъ или какая-нибудь плодотворная работа?

Вскорѣ въ этомъ смыслѣ были написаны имъ передовыя статьи для „Нов. Об.“ и когда мы, его товарищи, прочли ихъ—удивились, какъ мы сами не замѣтили этого важнѣйшаго порока того новаго курса въ дѣятельности общества, отъ котораго до того всѣ мы были въ восторгѣ.

Нужно вспомнить, что въ этой новой дѣятельности общества сел. хоз. играли дѣятельную роль мшакисты, и, слѣдовательно, еще тогда замѣчалось разномысліе между старшимъ поколѣніемъ мшакистовъ, къ которымъ принадлежали дѣятели общества сел. хоз., и молодымъ поколѣніемъ, представителемъ котораго явился Микаэлянъ.

Какъ бы данный писатель или общественный дѣятель ни былъ принципиаленъ, Микаэлянъ не переставалъ критически слѣдить за его работой. Ивановичъ (Свѣдѣнцовъ), главный сот-

рудникъ „Нов. Обзор.“ того времени, самъ будучи ригористомъ въ отношеніи Микаэляна, нерѣдко подвергался со стороны покойнаго очень строгой критикѣ *).

— Ивановичъ то хотеть быть твердымъ какъ скала, неумолимымъ врагомъ всякихъ уступокъ окружающей средѣ, то апологистомъ оппортунизма, возмущался Микаэлянъ, корректируя его фельетонъ „Хоть что-нибудь“.

Малѣйшее отступленіе писателя отъ его „credo“ вызывало въ Микаэлянѣ ненависть и возмущеніе, несмотря на то, что онъ отъ природы былъ безконечно добродушенъ и въ частной жизни снисходителенъ къ чужимъ словамъ и поступкамъ.

Совершенно обратное говорить г. Барсегъ, одинъ изъ старыхъ друзей Микаэляна и біографъ его (см. тифлисскую газету „Кавказская рѣчь“, № 30, 1906 г.):

*) Критика эта выливалась не въ печатной полемикѣ, а въ частныхъ бесѣдахъ со мной.

„Ригористъ въ личной жизни, Христофоръ Микаэлянъ былъ оппортюнистомъ въ политикѣ“.

Оппортюнизмъ его Барсегъ видитъ въ умѣніи М. соединять въ себѣ социалиста съ націоналистомъ.

„Сдѣлавши роковую историческую ошибку (говоритъ Барсегъ), отдавшись всецѣло интересамъ Турецкой Арменіи, онъ, тѣмъ самымъ, способствовалъ развитію дикаго шовинизма по ту и по эту сторону русско-турецкой границы въ трудовыхъ слояхъ армянъ и мусульманъ, заглушалъ или затемнялъ классовое самосознаніе армянскаго и татарскаго пролетаріата въ Россіи, привелъ къ полнѣйшему вырожденію турецкихъ армянъ и вмѣстѣ съ другими создалъ ту почву, на которой только и возможна была чудовищная армяно-татарская бойня“.

Тутъ въ Барсегъ, бывшемъ другѣ Микаэяна и затѣмъ идейномъ противникѣ его, говоритъ партійное ослѣпленіе. Барсегъ, какъ социаль-демократъ, признаетъ только экономическое рабство. М., будучи живъ, могъ бы возразить, что непослѣдователенъ не онъ, Микаэлянъ, а Бар-

сегъ, что возмущаясь экономическимъ рабствомъ, нельзя не возмущаться и тѣмъ національнымъ рабствомъ, которое испытываютъ армяне въ Турціи и которое испытывали они одно время (при кн. Голицынѣ) и въ Россіи.

Микаэлянъ, будучи добрымъ патриотомъ, не былъ, однако, въ то же время шовинистомъ, какъ увѣряетъ Барсегъ. Странно слышать, что М. „создалъ почву, на которой только и возможна была чудовищная армяно-татарская бойня“. Такъ могъ бы разсуждать какой-нибудь мусульманинъ-шовинистъ, „исгинно-русскій“ патриотъ, но странно это слышать отъ социалиста, чуждаго національныхъ предрассудковъ. Армяно-татарскую бойню вызвали не армяне и не татары (какъ ошибочно утверждали въпылу страстей нѣкоторые „дашнакцаканы“), почва для этой бойни была создана старымъ режимомъ, который все свое благоденствіе пытался основать на взаимной обостренной враждѣ разныхъ народностей Кавказа.

Ослѣпленный ненавистью къ „дашнакцаканамъ“, Барсегъ увѣряетъ, что это сторонники Микаэляна къ лишенію армянъ русскимъ правительствомъ школъ, церковныхъ имуществъ и пр. Можно подумать, что если бы „дашнакцаканы“ были не націоналистами, а только социалистами, Голицынъ погладилъ бы ихъ по головкѣ и не лишалъ бы ихъ ни школъ, ни церковныхъ имуществъ. Вотъ до чего можно договориться, отдавшись во власть партійнымъ раздорамъ.

Говорю все это, конечно, не потому, что раздѣляю взгляды „дашнакцакановъ“. Я не сторонникъ упрощенныхъ способовъ борьбы, не поддерживаю ни „дашнакцакановъ“, ни социалъ-демократовъ, ни другихъ крайнихъ партій, я хотѣлъ лишь отмѣтить тѣ грубые, крайне несправедливые отзывы о Микаэлянѣ, которые встрѣчаются въ единственной критической и біо-

графической статьѣ о немъ, появившейся въ русской печати. *)

Барсегъ, жестоко нападающій на партію Микаэляна, вмѣстѣ съ тѣмъ очень высоко ставитъ его, какъ нравственную личность. „Я рѣдко встрѣчалъ, говоритъ Барсегъ о немъ. людей съ такою необычайно обаятельной и тонкой нравственной фізіономіей“. Это не мѣшаетъ Барсегу обвинять Микаэляна въ дикомъ шовинизмѣ и истребительной человѣческой бойнѣ. Чтобы выпутаться изъ этихъ противорѣчій, Барсегъ дѣлаетъ такую рискованную догадку. „Я часто думаю, говоритъ онъ, что трагическая смерть Микаэляна, въ которой, какъ говорятъ, былъ виноватъ онъ самъ (М. погибъ отъ неосторожнаго обращенія съ бомбой), что эта смерть ему временами могла казаться желанной“.

Какъ бы то ни было, даже такой

*) См. четыре фельетона Барсега „Христофоръ Микаэлянъ и „Дашнакцутюнъ“ въ газ. „Кавк. Рѣчь“ за 1906 г. (№ № 30, 31, 34 и 36).

суровый критикъ, какъ Барсегъ, не можетъ не отдать справедливости Микаэлянъ, какъ очень талантливому организатору партіи. „Это былъ глубокой психологъ-практикъ съ огромнымъ природнымъ тактомъ“. Онъ сразу покорялъ себѣ слушателя, какого бы положенія онъ ни былъ, и слушатель незамѣтно для себя дѣлался его послушнымъ ученикомъ.

Микаэлянъ былъ очень сосредоточенной въ себѣ, глубокой натурой, съ гигантской силой воли, и онъ вполне стоялъ на высотѣ той исторической роли, которая выпала ему въ новѣйшей исторіи армянъ. Можно, конечно, доказывать и притомъ не безъ успѣха, что армянамъ слишкомъ дорого стоило то, чего они добились, руководимые Хр. Микаэлянъ и его послѣдователями, но третировать всю ихъ дѣятельность, какъ сплошное преступленіе передъ человѣчествомъ, какъ дѣлаетъ Барсегъ, можно только при партійномъ ослѣпленіи.

Кн. К. А. Бебутовъ.

25-го іюля 1907 г. также трагиче-
ски погибъ (во время желѣзнодорож-
наго крушенія, въ Познани) другой вы-
дающійся армянскій дѣятель Констан-
тинъ Александровичъ Бебутовъ.

Кн. Бебутовъ не былъ такимъ энер-
гичнымъ агитаторомъ, какъ Микаэ-
лянъ, но былъ талантливымъ писате-
лемъ и еще болѣе дипломатомъ. Дол-
го проживая въ Петербургѣ, онъ,
благодаря своему таланту вести остро-
умную бесѣду съ лицами самыхъ раз-
ныхъ положеній, сумѣлъ войти же-
ланнымъ гостемъ во вліятельныя сфе-
ры столицы. Онъ былъ близко зна-
комъ со всѣми выдающимися журна-
листами и министрами. Онъ умѣлъ
защищать интересы армянъ не толь-
ко въ прессѣ, но и въ администра-
тивныхъ сферахъ. Онъ часто бывалъ
у гр. М. Т. Лорисъ-Меликова, кн.
Хилкова, ген. Сахарова (бывшаго во-
еннаго министра), гр. Витте, Коков-
цева и др., не столько по частнымъ

дѣламъ, сколько для отстаиванія жиз-
 ненныхъ правъ кавказцевъ и особен-
 но своихъ соплеменниковъ — армянъ,
 долго преслѣдовавшихся, какъ ино-
 родцевъ.

И до этого онъ въ Тифлисѣ и на
 Кавказѣ былъ извѣстенъ, какъ об-
 щественный дѣятель: какъ дѣятель-
 ный гласный тифлисской городской
 думы, какъ одинъ изъ основателей
 тифлискаго городского общества вза-
 имнаго страхованія (первый предсѣ-
 датель его правленія) и какъ одинъ
 изъ главныхъ дѣятелей тифлискаго
 городского кредитнаго общества, гдѣ
 онъ, во время владычества тамъ кн.
 Аматуни, создалъ сильную оппозицію
 ему. Онъ одно время выставлялся
 кандидатомъ въ городскіе головы, со
 стороны мѣстной интеллигенціи, во
 главѣ съ покойнымъ Измайловымъ, и
 не хватило, при баллотировкѣ, лишь
 одного шара, чтобы быть ему избран-
 нымъ.

Но болѣе важной заслугой кн. Бе-
 бутова передъ мѣстнымъ обществомъ

было изданіе имъ въ Тифлисъ еѣ
 1873 г., первой на Кавказѣ частной
 русской газеты „Тифл. Вѣстн.“. На-
 правленіе газеты было обличительное.
 Стрѣлы обличителей, по цензурнымъ
 условіямъ того времени, конечно, не
 могли идти далеко. Обличались мел-
 кіе чиновники, редакція „Кавказа“,
 городское управленіе, банки и пр.; но
 благодаря таланту редактора и его
 молодыхъ сотрудниковъ, сфера обли-
 ченій, незамѣтно для цензуровъ, ино-
 гда расширялась и ядовитыя стрѣлы
 фельетонистовъ достигали нѣкоторыхъ
 тузовъ. Тогда подымался гвалтъ въ
 мѣстномъ муравейникѣ и начинались
 острия столкновенія съ цензурой.
 Ближайшими сотрудниками покойнаго
 были тогда кн. Дав. Георг. Эристовъ
 (Наслѣдственный поэтъ) и популяр-
 ный преподаватель мѣстной гимназіи
 Л. П. Загурскій. Впослѣдствіи кругъ
 этотъ значительно расширился; въ
 него вошли П. А. Опочининъ, П. А.
 Измайловъ, Н. Я. Николадзе, Я. С.
 Гогешавили и др. Тамъ же я началъ

свою литературную дѣятельность на русск. яз. Газета стала ежедневной, а во время войны въ 1877—78 гг. тиражъ ея достигъ небывалой до того на Кавказѣ цифры—3 тыс. экземпляровъ.

Но послѣ войны тиражъ упалъ болѣе чѣмъ на половину и кн. Бебутовъ оставилъ газету и переѣхалъ въ Петербургъ. Спустя 2 года послѣ того и самая газета закрылась. Въ Петербургѣ Бебутовъ принималъ участіе въ „Голосѣ“, „Порядкѣ“ (органъ Стасюлевича и Арсеньева) и друг. газетахъ прогрессивнаго лагеря, посвящая свои статьи кавказскимъ вопросамъ. Но послѣ крушенія „диктатуры сердца“ и закрытія этихъ газетъ, Бебутовъ вернулся опять въ Тифлисъ и возобновилъ свое участіе въ мѣстной печати: одно время завѣдывалъ редакціей „Нов. Обзор.“ (во времена Степанова), а затѣмъ редакціей „Ардаганка“ (органъ Абг. Іоаннисиани).

Бебутовъ писалъ немного, но писалъ остроумно, умѣя ядовито осмѣи-

вать сильныхъ міра сего *). Вслѣд-
 ствіе этого онъ пользовался въ свое
 время въ мѣстномъ обществѣ большою
 популярностью. Популярность эта за-
 тѣмъ значительно пала, когда онъ
 замкнулся въ консервативномъ лаге-
 рѣ Эзова и Іоаниссіани и сталъ во
 враждебныя отношенія къ армянской
 передовой молодежи.

Послѣднія 10 лѣтъ Бебутовъ со-
 всѣмъ оставилъ литературу и, являясь
 представителемъ крупныхъ кавказ-
 скихъ фирмъ въ Петербургѣ, вращался
 почти исключительно въ дѣловомъ
 мірѣ. Но и въ этотъ періодъ покой-
 ный не всегда былъ чуждъ обществен-
 ной дѣятельности. Пользуясь своими
 знакомствами въ высшихъ сферахъ,
 кн. Бебутовъ, какъ выше было упомя-
 нуту, умѣлъ отстаивать тамъ интересы
 своихъ соплеменниковъ. Нѣсколько
 лѣтъ назадъ, когда кн. Г. С. Голи-
 цынъ (тогда главноначальствующій

*) Б. свои фельетоны подписывалъ псев-
 донимомъ „Зритель“ и „Зр.“.

гражданскою частью на Кавказѣ) представилъ въ комитетъ министровъ записку о кавказскихъ дѣлахъ, Бебутовъ добылъ эту записку и опубликовалъ въ англійскихъ газетахъ.

За этотъ смѣлый по тогдашнему времени шагъ Бебутовъ сильно пострадалъ. Онъ просидѣлъ въ тюрьмѣ нѣсколько мѣсяцевъ и затѣмъ былъ освобожденъ съ обязательствомъ не жить въ предѣлахъ Россіи.

Около года онъ вынужденъ былъ проживать за границей, что было ему нелегко, какъ человѣку, плохо владѣющему иностранными языками, уже немолодому и больному, и къ тому же нерасполагающему достаточными матеріальными средствами.

Въ лицѣ Бебутова кавказцы и особенно его соплеменники потеряли крупнаго дѣятеля, умнаго и энергичнаго защитника общественныхъ интересовъ. Такихъ дѣятелей у насъ очень мало и такая потеря не можетъ не быть весьма чувствительной для общества. Если же смерть его прошла

малозамѣченной въ мѣстной печати, то это нужно приписать главнымъ образомъ той нетерпимости мнѣніямъ, которою отличается мѣстная печать и которою, нужно признаться, былъ зараженъ и самъ покойный Бебутовъ. Запальчивость и нѣкоторая неразборчивость въ средствахъ борьбы немало повредила Бебутову и при жизни.

Старымъ кавказцамъ, вѣроятно, еще памятна его борьба съ кн. Наполеономъ Аматауни въ кредиткѣ. Кн. Аматауни—человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ некорректный, чтобы не сказать болѣе, долго не могъ стоять во главѣ кредитки. *) Походъ, противъ него предпринятый Бебутовымъ (состоявшимъ тогда предсѣдателемъ наблюдательн. комитета въ кредиткѣ), по этому былъ встрѣченъ обществомъ съ сочувствіемъ. Но при этомъ К. Бебутовъ сдѣлалъ такой фальшивый шагъ,

---

*) См. объ Аматауни и кредиткѣ въ нижепомѣщаемомъ очеркѣ „Банковіада“.

который не могъ не подорвать довѣ-
 рія общества къ нему и не укрѣпить
 кн. Аматыни въ банкѣ еще на нѣ-
 сколько лѣтъ. К. Бебутовъ послалъ
 безъ вѣдома остальной администраціи
 банка телеграмму въ Петербургъ, имѣю-
 щую цѣлью парализовать распоряже-
 нія кн. Аматыни, какъ главы банка. Но
 это вмѣстѣ съ тѣмъ не могло не нане-
 сти матеріальнаго ущерба обществу.

Это обстоятельство дискредитиро-
 вало Бебутова и помѣшало ему занять
 въ Тифлисѣ то выдающееся обществен-
 ное положеніе, на которое онъ могъ
 до того рассчитывать. Но жизнь чело-
 вѣка особенно такого дѣятельнаго,
 живого, какъ покойный Бебутовъ, не
 можетъ обойтись безъ ошибокъ и ихъ
 бы слѣдовало давно забыть.

Въ заключеніе считаю нелишнимъ
 привести два письма Б., полученныхъ
 мною, какъ редакторомъ „Нов.Обозр.“,
 въ 1896 и 97 гг. Письма эти до нѣко-
 торой степени характеризуютъ какъ
 Бебутова, такъ и другихъ дѣятелей не-
 давняго прошлаго.

Петербургъ, 25 октября

1896 г. *Больш. Мор. № 9.* ၂၄၂၅၅၅၅၅၅

Благодарю Васъ, любезный Георгій Михайловичъ, за присылку газеты, которая невольно влечетъ меня къ покинутымъ берегамъ..... мысленно. Какъ вы легко можете себѣ представить, здѣсь идетъ жестокая борьба изъ-за кавказскаго наслѣдства. Шереметевъ считается уже мертвымъ; поговариваютъ о кандидатурѣ кн. Голицына („Гри-Гри“, быв. ком. груз. полка), Ольденбургскаго (старшаго, конечно) и З. Недоброжелатели послѣдняго указываютъ на его семейное положеніе, какъ препятствіе. Должно быть жена его—фигура, которую въ полонезѣ пришлось бы вести Катарасонову,*) если бы онъ не догадался умереть.—Деяновъ совсѣмъ поправился какъ только догадались приставить півявки къ ж... Сперва полагали, что ударъ отъ переутомленія головного мозга, потомъ оказалось, что ничего подобнаго: не переутомленіе, а просто пересидѣніе. Въ числѣ преемниковъ называетъ себя кievскій кунецъ N., который обучилъ каварейку цѣть какой-то гимнъ.—Если найдете интереснымъ можете сообщить въ газетѣ, что Ольга Палемъ вышла въ острогѣ замужъ за кунца,

*) Извѣстный старымъ тифлисцамъ развратникъ.

сидѣвшаго въ заключеніи за буйство съ поврежденіемъ, въ публичномъ мѣстѣ, зеркаль и фізіономіи прислуги. На ней онъ раждалась грузинская пословица. Можете тиснуть также, что молъ по свѣдѣніямъ изъ Петербурга, въ тамошнихъ чиновничьихъ кругахъ произвела отрадное впечатлѣніе пенсія, назначенная въ размѣрѣ 8000 руб. въ годъ, вышедшему въ отставку директору горнаго департамента К. Скальковскому. Это фактъ. Затѣмъ, я не желалъ бы, чтобы знали о сообщеніи мною Вамъ этихъ фактовъ.

Готовый къ услугамъ

Кн. Бебутовъ.

Большая Морская, 9-10 февраля 1897.

Любезнѣйшій

Георгій Михайловичъ!

Ничего утѣшительнаго я Вамъ не могу сообщить относительно ожидающей насъ политики. Кромѣ Мих. Нибъ.*) здѣсь въ высшихъ сферахъ нѣтъ никого сочувственно относящагося къ намъ. Вѣроятно, Голицынъ будетъ его немного стѣснять. Лично въ немъ никакихъ симпатій къ туземцамъ нѣтъ. Малое знакомство съ краемъ позволяетъ ему питаться иллюзіями отно-

*) Великій князь,

сительно возможности сдѣлать Кавказъ этнографически русскимъ, посредствомъ заселенія переселенцами. Въ судить по аналогіи съ Черноморскимъ краемъ, гдѣ онъ лично былъ въ прошломъ году. Фрезе Вы знаете. Могу сказать одно, что до сихъ поръ онъ не могъ освободиться отъ раздраженія, съ которымъ оставилъ Кавказъ. Думаю, что насъ ожидаетъ эпоха полнаго безправія. Въ головахъ нынѣшнихъ правителей никакихъ задерживающихъ правовыхъ центровъ нѣтъ. Вѣроятно, администрацію будутъ обновлять—замѣняя уже насытившихся блохъ голодными. До своего назначенія Голиц. не скрывалъ своего полнаго презрѣнія къ кавказ. администраціи.

Что касается денешъ, то у Васъ есть здѣсь кор., такъ что едва ли я могу сообщить что-нибудь раньше его, развѣ случайно.

Готовый къ услугамъ

Кн. Бебутовъ.

Архіеп. Хриміанъ.

Избранію на Эчміадзинскій престолъ архіеп. Хриміана (Мкртычъ I), прозваннаго народомъ „айрикъ“ (отець), предшествовала въ 1892—93 гг., въ теченіе почти цѣлаго года, оживленная избирательная кампанія. Самое вступленіе католикоса всѣхъ армянъ въ отправление своихъ обязанностей вызвало во всемъ армянскомъ народѣ, разсыпанномъ по цѣлому свѣту, необычайное оживленіе.

Особенный интересъ армянъ къ духовнымъ дѣламъ объясняется прежде всего тѣмъ, что это—почти единственная сфера, гдѣ они пользуются самоуправленіемъ. У армянъ нѣтъ ни дворянскихъ, ни земскихъ учрежденій; армянскія школы и благотворительныя учрежденія—въ рукахъ духовенства. Поэтому естественно то вниманіе, которое все армянское общество, весь армянскій народъ удѣляютъ дѣламъ своего духовенства.

Вотъ почему выборы главы армян-

ской церкви всегда сопровождаются оживленною избирательною агитаціею. Отъ католикаса требуется знакомство съ потребностями всего армянскаго народа, раскинутаго на обширномъ пространствѣ разныхъ странъ Азіи, Европы, Америки и даже Африки, и поставленнаго вслѣдствіе этого въ самыя разнообразныя условія жизни. Это знакомство необходимо, потому что управленіе армянскою церквію тѣсно связано со многими вопросами, выходящими изъ тѣсной религіозной сферы. Вопросы о бракѣ, просвѣтительныхъ и благотворительныхъ учрежденіяхъ и пр. часто представляются рѣшенію высшихъ представителей армянской церкви и голосъ послѣднихъ имѣеть не только юридическое, но и нравственное значеніе.

Въ 1892 г. весь народъ раздѣлился на 2 партіи. Одна, русская, выставила кандидатуру образованнаго и либеральнаго архіепископа Аристакаса Седракіана, другая, турецкая, намѣтила болѣе консервативнаго архіеписко-

па Измирліана. Въ послѣднюю мину-
ту каждая изъ партій, чувствуя свою
слабость, пошла на компромиссъ и
единогласно былъ избранъ третій кан-
дидатъ Хриміанъ (Мкртычъ I).

Хриміанъ былъ популярнѣйшей лич-
ностью во всемъ армянскомъ народѣ.
Это былъ пастырь, въ древнехристи-
анскомъ смыслѣ слова, а не только
священнослужитель; это былъ горячій
и талантливый проповѣдникъ среди
простонародія высокихъ началъ хри-
стіанскихъ добродѣтелей, это былъ
блестящій популяризаторъ европей-
скаго просвѣщенія въ темной массѣ
сельск. люда. Это былъ наконецъ испы-
танный боецъ за правду и справедли-
вость, пламенный защитникъ правъ ар-
мянскаго народа передъ европейскою
дипломатіей. Вотъ какимъ рисовали об-
разъ кандидата на престолъ св. Гри-
горія Просвѣтителя въ 1892 г. и пре-
столь этотъ считали для него есте-
ственнымъ вѣнцомъ для его многолѣт-
ней и многотрудной дѣятельности.

Не будемъ приводить здѣсь ни по-

дробной характеристики этой выдающейся личности, ни биографических данных о ней. И то, и другое уже сдѣлано мѣстной печатью и известно всѣмъ интересующимся армянскими дѣлами. Напомнимъ только, что Хриміанъ представляетъ собой такой образецъ нравственной красоты, равныхъ которому исторія нынѣшняго вѣка знаетъ не много. Но нравственные качества его выражаются не въ требованіяхъ прописной морали, не въ элементарныхъ началахъ смиренномудрiя и непротивленiя злу, а въ болѣе высшемъ развитiи этическихъ чувствъ, въ дѣятельной альтруистической любви.

Считаемъ небезынтереснымъ привести здѣсь характеристику Мвртыча Хриміана въ слѣдующей яркой сценѣ изъ разсказа извѣстнаго армянскаго беллетриста Папазяна „Епископъ Виенвену. Гайрикъ“. Описывается армянскій праздникъ въ Константинополѣ, устроенный въ саду передъ госпиталемъ во имя Спасителя. Здѣсь при-

существовалъ и „Гайрикъ“, который вошелъ въ госпиталь и видѣлъ, какъ на его глазахъ умеръ молодой армянинъ. Этотъ случай далъ духовному оратору богатый матеріалъ для блестящей рѣчи.

„Говорилъ онъ о госпиталѣ, описалъ жизнь помѣшанныхъ, жизнь идиотовъ, жизнь въ пріютѣ и, когда дошелъ до больницы, голосъ его задрожалъ.

„Господа, прибавилъ онъ,—когда утѣшалъ больныхъ, я былъ очевидцемъ кончины одного молодого выходца изъ Арменіи—умеръ онъ и некому было оплакивать его“...

„Не помню, о чемъ далѣе онъ говорилъ,—замѣчаетъ авторъ.—Глаза его расширились, голосъ гремѣлъ на весь дворъ, губы дрожали, руки то подымались вверхъ, то опускались, онъ задыхался и ежеминутно вытиралъ потъ со лба...

„Умеръ,—доканчивалъ онъ рѣчь,—и сколько такихъ умирающихъ! Пустьъветь родана, плодородныя поля лишаются пахаря, вдовѣтъ жена, сиротѣютъ дѣти“...

„Потомъ вдругъ оборвалъ, увидѣвъ, что всѣ плачутъ; нахмурилъ брови, присѣлъ, но снова вскочилъ, выпрямился во весь ростъ, сжалъ кулакъ, выступилъ впередъ, жестикулируя палкой, и загремѣлъ:

„Глухая, непонятливая толпа! видно, только плавать умѣешь!“

„Закрывъ вслѣдъ лицо рубашкой и опустивъ себя на стулъ.“

„Никогда не забыть мнѣ этихъ словъ!“

Но пишущій эти строки не очень увлекался всѣми высокими достоинствами единогласнаго избранника армянскаго народа и другихъ предостерегалъ отъ чрезмѣрныхъ увлеченій. Вотъ что я писалъ въ сентябрѣ 1893 г., вскорѣ послѣ вступленія Хриміана въ отправленіе своихъ обязанностей:

„Сегодня ровно недѣля, какъ домъ епархіата осаждается ежедневно массою народа, жаждущаго взглянуть на обаятельную фигуру „Айрика“, послушать его умную и остроумную рѣчь, повѣдать ему свое горе, получить благословеніе. И этотъ могучій старикъ не устаётъ удовлетворять всѣхъ. Онъ успѣваетъ отвѣчать каждому, откликаться теплымъ словомъ на высказываемое ему горе, дарить слезой соболезнованія, разсѣвать смущеніе экспромтомъ-шуткой. И все это выходитъ такъкстати, такъудовлетворяетъ всѣхъ.“

„Такая широкая популярность, доходящая до обожанія, не может, конечно, не служить великим утѣше-ніемъ для старца, котораго судьба никогда не баловала и который усталъ отъ долготѣней безпрестанной борьбы во имя высокихъ идеаловъ. Но такая популярность на дѣятеля, пользующагося ею, обыкновенно налагаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и большую отвѣтственность. Оправдывать большія ожиданія вообще дѣло трудное, а когда ожиданія исходятъ изъ самыхъ разнообразныхъ и нерѣдко взаимно исключających другъ друга группъ, дѣло это становится уже почти невозможнымъ.

„Вотъ почему интересъ къ личности нашего высокаго пастыря будетъ расти съ каждымъ днемъ и все болѣе захватывать армянское общество. По мѣрѣ того, какъ будетъ приближаться время составленія программы дѣятельности, какъ будетъ выясняться составъ ближайшихъ совѣтниковъ католика, будетъ расти и любопытство

общества. Не очевидно ли изъ этого, что доминирующее значеніе въ данномъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, имѣеть направленіе самаго дѣла. Необходимо усвоить ту мысль, что направленіе, система, программа составляютъ орудіе несравненно болѣе могущественное, чѣмъ усилія отдѣльной личности, хотя бы послѣдняя и являла собой умственнаго и нравственнаго геркулеса. Вотъ почему армянамъ, по нашему мнѣнію, не слѣдуетъ останавливаться на одномъ поклоненіи своему новому духовному главѣ; лучшимъ актомъ высокаго къ нему уваженія будетъ оказаніе дѣятельнаго ему содѣйствія въ его стремленіяхъ къ улучшенію дѣлъ своей паствы. Всякій неуспѣхъ въ его будущей дѣятельности ляжетъ не на ответственности его, а на ответственности той среды, въ которой ему придется дѣйствовать. Слѣдуетъ все это помнить для того, чтобъ уберечь себя отъ обманчивыхъ надеждъ, отъ горькихъ разочарованій“.

Слова эти, къ сожалѣнію, оправдались. Дѣятельность Хриміана, дѣятельность, въ качествѣ главы церкви, уже не вызывала ни въ комъ былыхъ восторговъ. Хриміанъ, не имѣя собственной опредѣленной программы, старался примирить между собой самыя противорѣчивыя теченія, замѣчаемыя въ паствѣ. И рѣдко удавалось ему достигать этой цѣли. Слишкомъ много простора давалось всякой случайности.

П. А. Опочининъ.

УДРІВБІВАН
 20200000000000

Въ январѣ 1907 г. въ Тифлисѣ скончался П. А. Опочининъ, въ разцвѣтѣ силъ, 54 лѣтъ отъ роду. Онъ тѣмъ не менѣе успѣлъ проявить свой педюжинный талантъ на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ. Поэтъ, фельетонистъ, романистъ, драматургъ, композиторъ, артистъ-любитель, чтець, ораторъ. Вездѣ онъ былъ, можно сказать, у себя дома. Газетные некрологи успѣли отмѣтить его заслуги передъ мѣстнымъ обществомъ, во всѣхъ этихъ разнообразныхъ сферахъ общественной дѣятельности. Но всѣ эти спѣшно набросанныя замѣтки очень мало останавливались на общей физиономіи безвременно потеряннаго дѣятеля и, кажется, вовсе не отмѣтили одной характерной черты въ его возрѣніяхъ.

Онъ всегда стоялъ въ серединѣ разныхъ теченій. Быть золотой серединой очень выгодно въ мирное время

и П. А. Опочининъ одно время пользо-
вался у насъ большою популярностью,
но это было не очень долго. Когда
жизнь идетъ скачками, когда одна
крайность смѣняетъ другую, когда ды-
шемъ въ раскаленной атмосферѣ вза-
имной вражды, человѣкъ, стоящій въ
центрѣ, рискуетъ быть раздавленнымъ
надвигающимися на него со всѣхъ
сторонъ грозными волнами. Въ такомъ
водоворотѣ пришлось покойному вер-
тѣться въ продолженіе послѣднихъ
10 лѣтъ.

Начнемъ съ племенныхъ взаимоотно-
шеній. Племенная рознь стала на Кав-
казѣ замѣчаться еще съ 1895—6 гг.,
когда началось армянское движеніе
въ сосѣдней Турціи. Тогда наши
охранители стали травить армянъ у
насъ, опасаясь, что волна народнаго
движенія изъ Турціи перебросится
къ намъ. Писались зажигательныя
статьи въ „Нов. Вр.“, а съ 1897 г.,
при Величкѣ, человѣконенавистниче-
скія тенденціи перенеслись на стра-
ницы официальнаго „Кавказа“. Вели-

67
чко обрушился на армянъ и еще болѣе на того русскаго, который явился талантливымъ представителемъ примирительныхъ тенденцій, но отноше- шенію къ туземцамъ вообще и къ армянамъ въ частности. Въ своихъ пасквиляхъ Величко не останавливался ни передъ какою грязью, чтобы замарать честь и человѣческое достоинство Опочинина.

Между тѣмъ Опочининъ никогда не былъ защитникомъ какихъ-бы то ни было спеціально-армянскихъ интересовъ. Вина его заключалась въ томъ, что онъ, крупный представитель русской культуры на Кавказѣ, съ возмущеніемъ встрѣтилъ провокаторское направленіе новаго режима на Кавказѣ, въ лицѣ покойныхъ Голицына и Величко.

Свое сredo по національному вопросу на Кавказѣ Опочининъ изложилъ въ рѣчи, сказанной въ 1906 г. въ кавказскомъ юридическомъ обществѣ, послѣ выслушанія моего реферата о значеніи Государственной Ду-

мы для нашего края. Извлечение изъ этой рѣчи привожу изъ газ. „Кавказъ“, которую тогда редактировалъ самъ Опочивинъ (см. № отъ 14-го апрѣля 1906 г.):

„Нашъ край, столь щедро одаренный богатствами природы, только потому съ самыхъ древнѣйшихъ вѣковъ не сдѣлался однимъ изъ лучшихъ культурныхъ угловъ міра, что этому мѣшала разноплеменность его населенія и вѣчная распря между его народностями. Только попавъ все вмѣстѣ подъ охрану одной прочной русской державы, народы этого обособленнаго физико-географическими границами края слились во-едино и благодаря этому быстро пошли по пути культуры, усваивая себѣ общекультурные нравы и формы общежитія. Одновременно съ ростомъ культуры развилось и національное самоопредѣленіе каждой отдѣльной народности, ея народная школа, литература, театръ, разработка и обогащеніе національнаго языка и т. п. Цѣлый вѣкъ общихъ побѣдъ на пути къ одной и той же культурѣ, общихъ войнъ и общихъ мирныхъ занятій рука объ руку, общаго горя и общей радости, общей

63
исторіи и общаго прогресса создалъ
единую націю кавказцевъ. Знаменитый
Ренанъ въ одной изъ своихъ брошюръ
совершенно справедливо устанавли-
ваетъ, что понятіе націи несравненно
шире, чѣмъ понятіе племени. Граж-
дане одного и того же государства
могутъ быть различны по своему пле-
мени, могутъ говорить на разныхъ
языкахъ, но, связанные общностью
исторической и политической судьбы,
общностью самозащиты, общностью
патріотическаго государственнаго ду-
ха, вѣками освященной общностью
своихъ интересовъ и братскихъ узъ,
они представляютъ изъ себя единую
націю. Какъ на наглядный примѣръ
Ренанъ указываетъ на Швейцарію, на
такую сплоченную, патріотическую на-
цію, какъ швейцарцы, говорящіе на
трехъ языкахъ и принадлежащіе къ
тремъ различнымъ племенамъ. Рѣши-
тельно никакого тяготѣнія не имѣетъ
швейцарець-французъ къ сосѣдней
Франціи, швейцарець-нѣмецъ къ со-
сѣдней Германіи и швейцарець-ита-
льянецъ къ сосѣдней Италіи; наобо-
ротъ, всѣ они ярые швейцарскіе пат-
ріоты. Могучій и быстрый совмѣст-
ный путь кавказскихъ народностей
по ступенямъ культуры, начавшійся

съ самыхъ низшихъ ступеней ея имен-
но тогда, когда народности эти сли-
лись во-едино, войдя въ составъ рус-
ской державы, выковали изъ этихъ
народностей единую націю кавказскую,
единый Кавказъ, неразрывно навѣки
связанный съ единой Россіей. И мы
видѣли, что во времена наибольшей
автономности Кавказа, въ видѣ обо-
собленнаго намѣстничества, наиболѣе
была сплочена и сильна своимъ мир-
нымъ духомъ и стремленіемъ къ об-
щей культурѣ и наиболѣе неразрыв-
ными духовными узами была связана
со всей остальной Россіей эта наша
кавказская нація, состоящая изъ гру-
зинъ, русскихъ, армянъ, татаръ и
прочихъ племенъ. Подъ вліяніемъ об-
щей культуры сгладилось разнообра-
зіе правовыхъ и нравственныхъ по-
нятій, все населеніе освоилось съ об-
щими законами, къ единообразію ста-
ли склоняться нравы и бытовья ус-
ловія, съ одинаковымъ администра-
тивно-процессуальнымъ устройствомъ
свыклось все населеніе совершенно
такъ же, какъ подъ вліяніемъ обще-
европейской культуры сгладились бы-
товья особенности, юридическія нор-
мы, политическія учрежденія и эконо-
мическія условія въ жизни отдѣль-

ныхъ европейскихъ народовъ. Я глубоко вѣрю, что и сейчасъ всѣ народности Кавказа представляютъ въ себѣ одну націю, лишь настолько же обособленную отъ обще-русской націи, насколько обособлена отъ своей общей отчизны и всякая другая провинціальная область Россіи. Всѣ мы, кавказцы, земляки между собой, и если въ послѣдніе годы обострился антагонизмъ между народностями Кавказа и начались распри, дошедшія до кровавыхъ столкновеній, то, право же, причины этого явленія не глубоко лежатъ въ нашихъ сердцахъ и вожделѣніяхъ, а возникли лишь на поверхности того смутнаго и остраго періода, который пережила вся Россія, и порождены тою политикою разобщенія и травли, которую культивировала реакціонная эпоха. Поэтому я высказываюсь за автономію Кавказа, какъ одной изъ областей Россіи, въ смыслѣ вообще принципа децентрализаціи управленія нашимъ обширнымъ отечествомъ, каковой принципъ, по моему мнѣнію, только и можетъ создать единую, нераздѣльную Россію съ прочно сросшимися съ нею окраинами. Созданіе же національных автономій ради принципа

извѣстной политической самобытности
 каждаго маленькаго племени, входя-
 дящаго въ составъ населенія Россіи,
 является процессомъ, пагубнымъ пре-
 жде всего для этихъ племенъ, ибо
 процессъ этотъ будетъ препятствовать
 дальнѣйшей ихъ культурѣ, какъ прямо
 противный ходу прогресса, стремяща-
 гося къ объединенію народовъ, къ
 подчиненію ихъ одному великому куль-
 ту и разуму, а вовсе не къ разобщенію,
 не къ тому, что по библейскому
 сказанію о вавилонской башнѣ было
 карой Божьей. Изъ этого вовсе не слѣ-
 дуетъ, чтобъ я былъ противникомъ
 права каждой даже самой маленькой
 народности на свое національное само-
 опредѣленіе. Наоборотъ, я горячій сто-
 ронникъ этого права, но въ смыслѣ
 общественно-культурной самобытно-
 сти, а не политической. Пусть малые
 по численности народы свободно раз-
 виваютъ свой языкъ, литературу, те-
 атръ, науку, школы, банки, общест-
 венно-хозяйственныя учрежденія. Все
 это можетъ быть вполне достигнуто
 при помощи широкаго земскаго само-
 управления, которое необходимо.

Участіе же каждой народности въ
 общей политической жизни вполне
 обеспечивается правами ихъ націо-

нальныхъ представителей въ кавказскомъ съѣздѣ и правами представителей всего Кавказа въ Государственной Думѣ и въ Государственномъ Совѣтѣ.

Такимъ образомъ Опочининъ стремился примирить политическіе интересы русскихъ и всѣхъ племенъ Кавказа. Это не было случайнымъ увлеченіемъ освободительнымъ движеніемъ. Того же пути онъ держался и въ предшествовавшее реакціонное время.

Опочининъ какъ бы самой природой и обстоятельствами жизни былъ поставленъ въ центрѣ всѣхъ народностей на Кавказѣ. Отецъ—русскій, мать—грузинка (урожденная Орбелиани), друзья—армяне (Шитоевы, Халатовы и др.), кліенты—татары. *)

Онъ былъ близокъ со всѣми ими. Величко стремился доказать, что Опочининъ продался армянамъ. Тифлисцамъ хорошо было извѣстно, что его

*) Татары населяли его имѣнія въ Тифлисской и Бакинской губ.; татары часто являлись также его кліентами въ судѣ.

дружба съ Питоевыми была основана не на корыстныхъ расчетахъ, а на общности симпатій. Они все (Опочининъ, Ис. Ег. Питоевъ, Ив. Ег. Питоевъ) страстно любили сцену и имена ихъ тѣсно связаны съ исторіей тифлискаго театра и „Артист. О-ва.“ Да и какіе это были армяне, Питоевы? Они были женаты на русскихъ и совершенно не знали армянскихъ дѣлъ.

Но Величко стремился къ противоположной Опочинину цѣли—разжиганію національныхъ страстей на Кавказѣ и, видя передъ собой талантливаго противника, жестоко обрушился на него. Онъ хотѣлъ доказать, что его противникъ вообще продажный и безнравственный человѣкъ. Съ этою цѣлью Величко ловко воспользовался однимъ безтактнымъ шагомъ Опочинина. Послѣдній, будучи повѣреннымъ бельгійскаго анонимнаго общества тифлискаго трамвая, передалъ дѣла общества своему другу В. Пахомову и пошелъ въ гласные тифлисской

городской думы. Здѣсь онъ, при сужденіи вопроса о выкупѣ конки, горячо отстаивалъ интересы конки, а не города. Получалось впечатлѣніе, что Опочининъ продалъ интересы города.

Кто зналъ Опочинина, тотъ понималъ, что Оп. былъ увѣренъ въ данномъ случаѣ въ солидарности городскихъ интересовъ съ интересами конки. Въ противномъ случаѣ Опочининъ не выступалъ бы въ думѣ съ защитой анонимнаго общества. Онъ былъ для этого слишкомъ общественнымъ дѣятелемъ. Но это было ясно для лицъ, близко знавшихъ Опочинина. Въ глазахъ же общества Опочининъ въ данномъ случаѣ угодничалъ адвокату, который выступаетъ противъ интересовъ своего кліента (города). Величко ловко воспользовался неудачной позиціей, знятой Опочининымъ въ упомянутомъ вопросѣ, и немало способствовалъ своими нападками компрометированію Опочинина въ

глазахъ обожавшаго его до того об-
щества.

Но повторяемъ, что лица, хорошо знавшія Опочинина и помнившія его прошлое, мало вѣрили въ его корыстолюбіе. Достаточно вспомнить слѣдующій фактъ.

Опочининъ, какъ только кончилъ курсъ въ университетѣ, поступилъ на службу въ судебное вѣдомство. Благодаря своимъ недюжиннымъ способностямъ, трудолюбію и связямъ онъ быстро пошелъ въ гору. Въ теченіе пяти лѣтъ онъ перебивалъ въ Тифлисѣ и помощникомъ мирового судьи, и судебнымъ слѣдователемъ по особо важнымъ дѣламъ, и товарищемъ прокурора. Прослужи еще 10 лѣтъ, онъ уже занималъ бы должность предсѣдателя окружнаго суда или палаты. Такимъ образомъ онъ былъ бы обезпеченъ и спокоенъ на всю жизнь.

Но видно, что матеріальныя блага и личное спокойствіе не играли большой роли у Опочинина. Онъ вступилъ на скользкій путь политической

сатиры. Принимая горячее участие въ 1880—81 гг. въ издаваемыхъ въ Тифлисѣ каррикатурныхъ журналахъ „Фаланга“ и „Гусли“, онъ смѣло осмѣивалъ не только кавказскихъ дѣятелей, но и такихъ сильныхъ временщиковъ, какъ Побѣдоносцевъ. Послѣдній фигурировалъ въ памфлетѣ Опочинина „Фаланга“ подѣ фамиліей Викторскаго. Тутъ бичевалась его оппозиція введенію въ Россіи конституціи и вообще все поведеніе его при дворѣ. Понятно, такая смѣлость не могла пройти даромъ. Журналъ былъ закрытъ, а Опочинину было дано понять, что онъ на службѣ не можетъ быть болѣе тернимъ. Вскорѣ затѣмъ родился въ Тифлисѣ сатирической журналъ „Гусли“, въ которомъ принимали участіе Опочининъ и И. Ф. Тхоржевскій, бывшіе сотрудники „Фаланги“, и который также скоро былъ закрытъ.

Лишившись одновременно и службы, и литературной работы, Опочининъ вступилъ въ сословіе присяж-

ныхъ повѣренныхъ. Присяжнымъ, по вѣреннымъ онъ оставался до жизни, лишь изрѣдка выступая, въ качествѣ фельетониста и поэта, на страницахъ „Новаго Обозр.“, „Кавказа“ и другихъ мѣстныхъ изданій. Выступалъ онъ иногда и въ качествѣ любителя-артиста, главнымъ образомъ на сценѣ „Тифл. Артистическаго общества“, и чтеца на благотворительныхъ вечерахъ. Онъ вездѣ имѣлъ недюжинный успѣхъ. Лишь въ драматическихъ опытахъ успѣхъ его былъ посредственный. Это не мѣшало однако Опочинину оставаться любимцемъ публики до вышеупомянутаго инцидента его въ думѣ и вызванной имъ полемики на страницахъ мѣстныхъ газетъ. Популярность Опочинина пошатнулась еще болѣе незадолго до смерти его, за время редактированія имъ газ. „Кавказъ“.

Въ газетахъ и въ обществѣ его считали чуть не ренегатомъ. Ради казенной субсидіи Опочининъ, говорили,

сдѣлался сторонникомъ реакціи. Но
вѣрно ли это?

Какъ въ вопросахъ междунаро-
дныхъ и междурелигіозныхъ на Кавка-
зѣ Опочининъ стоялъ въ центрѣ и
желалъ быть примиряющимъ элемен-
томъ, такъ и въ общеполитическихъ
вопросахъ Опочининъ оказался въ
центрѣ. Въ памятные октябрскіе дни,
въ 1905 г., онъ сразу объявилъ своею
программою Высочайшій манифестъ
17-го октября. Но партіи 17-го ок-
тября въ то время не существовало,
и въ ноябрѣ 1905 г., когда начались
на моей квартирѣ совѣщанія для об-
разованія въ Тифлисѣ отдѣленія кон-
ституціонно-демократической партіи
(народной свободы), Опочининъ сра-
зу примкнулъ къ намъ. При этомъ онъ
заявилъ со свойственною ему откровен-
ностью, что онъ будетъ идти рука-
объ-руку съ нашею партіей пока она
стоитъ на легальной почвѣ.

Тогда онъ еще не былъ редакто-
ромъ „Кавказа“, но уже велъ перего-
воры съ кавказскою администраціею

° принятіи имъ на себя редактирова-
 нія этой газеты. Онъ и тутъ, со своей
 ственной ему прямою, заявилъ на
 чальству, что онъ будетъ вести газе-
 ту въ духъ конституціонно-демокра-
 тической партіи. За неофіціальную
 часть газ. „Кавказъ“ правительство
 не отвѣтственно и поэтому оно нашло
 возможнымъ не препятствовать ново-
 му редактору вести газету въ этомъ
 духъ. Правительство, конечно, могло
 найти другого, болѣе сговорчиваго
 редактора, но нужно вспомнить, что
 это было тогда, когда премьеръ-
 министръ Витте велъ переговоры съ
 Петрункевичемъ о соглашеніи прави-
 тельства со вновь образовавшеюся въ
 Москвѣ конституціонно-демократиче-
 скою партіею, когда портфель мини-
 стра народнаго просвѣщенія былъ
 предложенъ проф. А. Посвикову и пр.

Опочививъ серьезно вѣрилъ въ воз-
 можность соглашенія съ правитель-
 ствомъ и насъ, меня, А. Калавтара и
 другихъ членовъ кадетской партіи,
 приглашалъ участвовать въ „Кавка-

зѣ". Нашъ отказъ не охладилъ его и онъ принялся за свое новое дѣло. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, послѣ роспуска Государственной Думы и послѣ выборгскаго воззванія, Опочининъ уже не считалъ возможнымъ оставаться кадетомъ, находя воззваніе революціоннымъ. Онъ тогда присоединился ко вновь образовавшейся партіи мирнаго обновленія.

Я и это обращеніе Опочинина въ мирнообновленца считалъ, вопреки общераспространенному мнѣнію, вполне искреннимъ. Я не находилъ, что онъ это сдѣлалъ для того, чтобы ладить съ правительствомъ. Чтобы ладить съ правительствомъ, у него было много другихъ путей. Въ неофициальной части газеты „Кавказъ“ онъ имѣлъ возможность не касаться вообще жгучихъ политическихъ вопросовъ, а ограничиваться лишь обсужденіемъ экономическихъ, литературныхъ и научныхъ вопросовъ, какъ это дѣлали его предшественники по редакци-

рованію газ. „Кавказъ“. Наконецъ, если онъ хотѣлъ имѣть успѣхъ въ реакціонной части общества, онъ долженъ былъ бы пѣть въ униссонъ съ „Голосомъ Кавказа“. Между тѣмъ онъ не только этого не дѣлалъ, но и велъ горячую полемику съ этою газетою. Мнѣ приходилось слышать отзывы нашихъ охранителей объ Опочининѣ. Они съ пѣной у рта отзывались объ его газетной дѣятельности, о той дѣятельности, которую съ неменьшею рѣзкостью осуждали и кадеты, и крайніе лѣвые.

Нѣтъ, онъ не поправѣлъ, ради личныхъ благъ, а общество подѣвѣло и въ одинъ мигъ лишило своихъ симпатій своего бывшего любимца.

Все это говорю, потому что такихъ талантливыхъ, добросовѣстныхъ и трудолюбивыхъ общественныхъ дѣятелей, какъ покойный Опочининъ, у насъ было немного. Всякій честный критикъ обязанъ расчищать имъ дорогу къ служенію обществу, а не заваливать ее терніями. Такіе дѣятели,

работая много, могут, конечно, часто
ошибаться, но забрасывать их за это
грязью отнюдь не слѣдуетъ. Это было
бы преступленіемъ не противъ лично-
сти того или другого дѣятеля, а про-
тивъ всего общества.

1907 г.

М. Н. Кучаевъ.

(† 1893)

УДѢЛЕНА
ВЪ СЪВѢТѢ

М. Н. Кучаевъ принадлежалъ къ рѣдкому на Кавказѣ типу либеральнаго русскаго администратора. Онъ былъ вѣрнымъ ученикомъ извѣстнаго дѣятеля по крестьянскому дѣлу Н. А. Милютина и программу его проводилъ въ жизнь со всѣми свойственными этой программѣ достоинствами и недостатками. Впрочемъ недостатки—игнорированіе національныхъ интересовъ инородцевъ (разумѣй въ данномъ случаѣ кавказскихъ народностей) и стремленія послѣднихъ къ самоуправленію—не могли проявиться въ дѣятельности Кучаева, потому что онъ касался, по своей службѣ, исключительно экономическихъ интересовъ народа. Достоинства же—сочувствіе къ крестьянству и энергическая защита его земельныхъ интересовъ проявлялись во всей своей полнотѣ, насколько это позволяла та среда, въ которой ему приходилось работать.

Въ виду полного игнорированія кавказскою печатью дѣятельности Ку-чаева, я позволю себѣ дать здѣсь нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія о немъ и краткую характеристику его, какъ человѣка и государственнаго дѣятеля. Я его зналъ хорошо, потому что довольно долго служилъ у него. Надѣюсь, что моего безпристрастія никто не заподозритъ, такъ какъ я ему лично ничѣмъ не былъ обязанъ. Я былъ назначенъ къ нему не имъ, а бывшимъ начальникомъ главнаго управленія намѣстника, генер.-лейт. Старосельскимъ, и никакихъ наградъ, внѣ очереди, за время этой службы я не получалъ.

К. родился въ 1835 г., воспитывался въ павловскомъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ за успѣхи записанъ на мраморной доскѣ, въ 1857 г. окончилъ курсъ по 1-му разряду въ практическомъ отдѣленіи михайловской артил. академіи; въ 1857—63 гг. въ павловскомъ кад. корпусѣ состоялъ ренетиторомъ по физикѣ; съ 1863 г. начинается

гражданскую службу, состоитъ предсѣдателемъ уманьскаго мирового съѣзда (въ Кіевск. губ.); съ 1867 г. служить чиновникомъ VI кл. при министрѣ внутр. дѣлъ, съ прикомандированіемъ съ 1869 г. къ вилевскому, ков. и минск. генераль-губернатору, по крестьянскимъ дѣламъ; въ 1876 г. ѣдетъ на Кавказъ съ тайн. сов. Клушинымъ и назначается управляющимъ канцеляріею по дѣламъ устр. крест., а затѣмъ и членомъ и правителемъ дѣлъ совѣта намѣстника, преобразованнаго впослѣдствіи въ совѣтъ главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ.

Занимая эти должности въ теченіе 15-ти лѣтъ, т. е. всего времени своего пребыванія на Кавказѣ, К. стоялъ во главѣ такого важнаго дѣла, какъ крестьянское. Въ этомъ дѣлѣ онъ строго держался началъ, созданныхъ реформой 19-го февраля 1861 г. Какъ въ печатныхъ трудахъ, такъ и въ своей практической дѣятельности, онъ всегда, неизмѣнно, служилъ одному бо-

гу—богу обиженныхъ судьбой бѣдня-
ковъ. Измѣнялись обстоятельства, из-
мѣнялись общественныя теченія, из-
менялись новыя вѣянія, новые люди, но
покойный М. Н. стойко стоялъ на
своемъ посту, не дѣлая уступокъ эфе-
мерному духу времени. Крестьянское
дѣло было именно тѣмъ драгоценнымъ
для него дѣломъ, которымъ онъ не
могъ жертвовать своей карьерѣ, и онъ
при министерствахъ гр. Д. А. Толстого
и И. Н. Дурново и при управленіи
Кавказомъ Шереметевымъ и отчасти
Дондуковымъ, видя свою роль окон-
ченной, не считалъ болѣе необходи-
мымъ продолжать работу.

К. за время пребыванія на Кавка-
зѣ постоянно обнаруживалъ кипучую
дѣятельность и это особенно замѣтно
было по крестьянскому дѣлу, которое
онъ беззавѣтно любилъ и къ которо-
му былъ подготовленъ предшествовав-
шею долголѣтнею практикой. За вре-
мя своего пребыванія на Кавказѣ, онъ
составилъ многое множество про-
ектовъ по самымъ важнымъ вопросамъ.

Одни изъ этихъ проектовъ еще при его жизни получили законодательную санкцію (правила объ имѣньяхъ низшаго сословія, первое хизанское положеніе и пр.), другіе и до сихъ поръ разсматриваются высшими государственными учрежденіями (по переложенію нынѣшней натуральной повинности крестьянъ въ денежную, что служитъ переходомъ къ выкупу; о сельскомъ общественномъ управленіи, о тіулахъ и пр.). Кромѣ того, онъ два раза издалъ сводъ правительственныхъ распоряженій по крестьянскому вопросу и немало печаталь статей по тому же вопросу въ „Матеріалахъ по изученію экон. быта госуд. крест. Закавказья“, изданныхъ уполномоченнымъ министра гос. имущ. Тихѣвымъ, въ 1885—87 гг. Эти труды, вмѣстѣ съ трудами его предѣстника, М. Б. Туманова, и до сихъ поръ являются почти единственными печатными пособіями для изученія исторіи быта крестьянъ, живущихъ на частновлад. земляхъ въ Закавказьѣ.

Вообще К. былъ живой человѣкъ и во всякое дѣло, къ которому онъ прикасался, вносилъ жизнь и энергичнее одушевленіе. Кто предается лихорадочной работѣ, не можетъ, конечно, избѣгнуть вовсе ошибокъ, но ошибки М. Н. Кучаева всегда были ничтожны въ сравненіи съ его заслугами, созданными его недюжиннымъ талантомъ, образованіемъ и энергіею.

Выше я упомянулъ, что наступившая въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія реакція не благоприятствовала работѣ Кучаева въ крестьянскомъ дѣлѣ. Его проекты все чаще и чаще тормозились. Но прежде чѣмъ совсѣмъ бросить нашъ край, К. попробовалъ выступить на другихъ поприщахъ.

Кавказское общество сельскаго хоз., подъ руководствомъ М. Н. Кучаева, значительно прогрессировало. За короткое время его вице-президентства, были сдѣланы улучшенія въ школь садоводства, въ 1889 году была устроена въ Тифлисѣ выставка

сельскаго хоз.. послѣ чего общество
получило титулъ императорскаго

Въ бытность К. председателемъ
кавказскаго статистическаго комитета,
значительно усилены были средства
послѣдняго и, кромѣ того, совершилось
довольно крупное преобразование ста-
тистической части во всемъ краѣ.
Прежде агентами статистическаго ко-
митета въ провинціи являлись секре-
тари губернскихъ статистическихъ ко-
митетовъ, которые, будучи вполне под-
чинены губернской администраціи, ма-
ло имѣли связей съ центральнымъ ко-
митетомъ. Эти секретари имѣли пра-
во занимать одновременно и другія
должности, исполнять другія обязан-
ности, и мѣсто секретаря статист-
комитета сдѣлалось синекурой для кан-
целярскихъ чиновниковъ. Этотъ по-
рядокъ былъ совершенно упраздненъ
проектомъ покойнаго М. Н. Кучаева.
Создавъ въ губерніяхъ чиновниковъ
по статистической части и подчинивъ
ихъ центральному комитету, онъ пер-

91
вый, можно сказать, положилъ осно-
ваніе кавказской статистикѣ.

На Кавказѣ К. оставался до весны
1891 г. Вышедши въ отставку, онъ
занимался популярнымъ изложеніемъ въ
„Русск. Вѣсти.“ разныхъ запутанныхъ
поземельныхъ вопросовъ Кавк. края,
не перестающихъ представлять для
насъ злобу дня въ продолженіе мно-
гихъ лѣтъ.

Отставка К., можно сказать, была
вынужденная. Отставка обыкновенно
дается въ томъ случаѣ, если чинов-
никъ ни на какое дѣло уже не го-
денъ. Отставка К. имѣла, какъ вы-
ше было сказано, иное основаніе.
Онъ, полный силъ и жажды дѣятель-
ности, въ силу наступившей реакціи,
былъ лишень возможности работать
въ прежнемъ направленіи, а прино-
равливаться къ новымъ теченіямъ счи-
талъ ниже своего достоинства. Онъ
стремился одно время перевестись

92
на службу въ Петербургъ, но и это не удавалось ему.

Реакція наступила давно, а именно въ 1881—2 гг., когда, послѣ 1-го марта, гр. Игнатьевъ смѣнилъ гр. Лорисъ-Меликова на посту министра внутр. дѣлъ, а вскорѣ затѣмъ гр. Д. А. Толстой смѣнилъ гр. Игнатьева. Но К. все еще вѣрилъ, что реакція продлится недолго и продолжалъ работать. Когда я сообщилъ ему, что получена телеграмма о назначеніи Толстого, онъ былъ пораженъ и могъ только промолвить: „Это довольно оригинально! Все общество и даже само правительство только-что ошеломило его, а тутъ вдругъ такое повышеніе!“

Но оптимизму К. скоро былъ положенъ конецъ. На постъ главнаго начальствующаго былъ назначенъ ген. С. А. Шереметевъ, который, какъ убѣжденный аристократъ, очень не любилъ демократизмъ Кучаева и въ совѣтъ, въ качествѣ предсѣдателя послѣдняго, имѣлъ случаи часто расхо-

даться съ нимъ во мнѣнiяхъ. Нельзя было забыть и того, что К. ^{ранѣе} производилъ ревизию административныхъ учрежденiй Кубанской области, когда начальникомъ этой области ^{былъ} стоялъ Шереметевъ.

Говоря о другихъ нашихъ губернаторахъ, К. бывалъ еще болѣе рѣзокъ въ выраженiяхъ.

— Если вы на улицѣ увидите пьянаго генерала, качающагося на фаэтонѣ, и если этотъ генеральъ будетъ носить громкую фамилiю, то не забывайте, что онъ когда-нибудь сдѣлается вашимъ начальникомъ, и не только вашимъ начальникомъ, онъ будетъ держать въ своихъ рукахъ судьбы обширнаго края.

К. недолго прожилъ въ отставкѣ. Онъ умеръ въ июнѣ 1893 г., въ Майоренгофѣ, далеко еще не достигши 60 лѣтъ.

(† 1899 г.)

Къ числу либеральныхъ государственныхъ людей на Кавказѣ нужно отнести и бар. Николаи. Правда, онъ не держался такихъ радикальныхъ взглядовъ, какъ Кучаевъ, и былъ по своей натурѣ скорѣ консерваторомъ, но ему пришлось дѣйствовать въ либеральную эпоху 60-хъ годовъ. Онъ въ это время, состоя начальникомъ главнаго управленія намѣстника, фактически управлялъ всѣмъ краемъ въ теченіе почти 15 лѣтъ и невольно связалъ свое имя съ крупными реформами того времени.

То была кавказская „эпоха великихъ реформъ“, вдохнувшая жизнь въ нашу отдаленную окраину, утомленную долгой войной и предыдущимъ гражданскимъ неустройствомъ. Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, судебная реформа, введеніе городского самоуправленія—всѣ эти крупнѣйшія преобразованія поло-

жили начало гражданскому развитію нашего края и вскорѣ настолько измѣнили ея фیزیономію, что между „погибельнымъ Кавказомъ“ 40-хъ и 50-хъ годовъ и Кавказомъ конца 60-хъ и 70-хъ образовалась пропасть.

Обладая широкимъ образованіемъ, баронъ А. П. хорошо понялъ, что для окончательнаго замиренія края и сліянія его съ остальной имперіей нужны широкія культурныя мѣры, могущія развить гражданскую и общественную жизнь страны и способствовать матеріальному и нравственному росту ея многоплеменнаго населенія.

Нельзя, однако, преувеличивать реформаторскій пылъ бар. Николаи. Будь на его мѣстѣ истинно либеральный дѣятель и пользуйся онъ своимъ вліяніемъ на намѣстника, каковымъ въ то время былъ великій князь Михаилъ Николаевичъ, онъ сумѣлъ бы сдѣлать гораздо болѣе. Освобождая крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, онъ не заморозилъ бы выкупное дѣло и не оставилъ бы крестьянъ на многіе

годы во временно-обязательныхъ от-
ношеніяхъ къ бывшимъ помѣщикамъ
вмѣстѣ съ судебной реформой
ввелъ бы выборныхъ мировыхъ судей,
совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ и
даже институтъ присяжныхъ засѣда-
телей; не побоялся бы ввести у насъ
земскія учрежденія и пр.

Послѣ службы на Кавказѣ, бар. Ни-
колаи въ Петербургѣ занималъ высо-
кіе посты: министра народнаго про-
свѣщенія, члена госуд. совѣта, пред-
сѣдателя департамента законовъ въ
госуд. совѣтѣ и пр. Но это продол-
жалось недолго и большимъ вліяні-
емъ онъ тамъ не пользовался; онъ
вынужденъ былъ уступить мѣсто болѣе
реакціоннымъ дѣятелемъ.

Проживъ долго въ нашемъ краѣ,
сроднившись съ нимъ *) и близко оз-

*) Бар. Николай былъ женатъ на дочери
извѣстнаго грузинскаго поэта кн. Ал. Д.
Чавчавадзе и свою единственную дочь вы-
далъ замужъ за кн. Г. Д. Шервашидзе, быв-
шаго тифлискаго губернатора.

накомившись съ мѣстными нуждами, бар. Николай подъ конецъ жизни, въ 1892 г., напечаталъ въ „Русскомъ Археологическомъ журнале“ интересныя записки о крестьянскомъ дѣлѣ на Кавказѣ. Авторъ излагаетъ основанія, на которыхъ была введена въ Закавказьѣ крестьянская реформа, и тѣ мотивы, которыми были вызваны нѣкоторыя отступленія отъ положенія 1861 г. Кромѣ того, авторъ, хотя и вскользь, касаясь нѣкоторыхъ злободневныхъ вопросовъ, намѣчаетъ рѣшеніе, какое, по его мнѣнію, вопросы эти должны бы получить въ будущемъ. Здѣсь же ведется замаскированная полемика съ Кучаевымъ и др., находившими ошибочнымъ рѣшеніе кн. Воронцова закрѣпить за высшимъ мусульманскимъ сословіемъ земли, которыми оно при персидскомъ и турецкомъ владычествѣ пользовалось не на правѣ собственности, а лишь на правѣ временнаго владѣнія въ вознагражденіе за службу.

Бар. Николай находить, что иначе

и нельзя было поступить, какъ по-
ступило правительство при кн. Во-
ронцовѣ, а затѣмъ и при крестьян-
ской реформѣ. Онъ находитъ, что зем-
ли высшему сословію нужно было да-
рить въ собственность, а не только во
временное пользованіе. При этомъ ав-
торъ устанавливаетъ два общія поло-
женія, первое: „Что какъ ни были въ
частностяхъ, въ разныхъ мѣстностяхъ,
различны основанія землевладѣнія въ
мусульманскихъ нашихъ провинціяхъ
и отношенія владѣльцевъ къ крестья-
намъ, на земляхъ ихъ поселеннымъ,
является одинъ общій характеръ, вы-
разившійся въ правѣ полученія съ
крестьянъ повинностей и въ фактиче-
ской наслѣдственности такого права
(явленія, присущія и нашему поня-
тію о правѣ собственности); второе:
главнѣйшее, въ повсемѣстномъ распо-
ложеніи правительства оставаться вѣр-
нымъ принятому имъ, при всякихъ
новыхъ территоріальныхъ приобрѣте-
ніяхъ, правилу: признать существо-
вавшія въ каждой мѣстности факти-

ческія имущественныя права и утвер-
 дить таковыя, не вдаваясь въ теоре-
 тическія изысканія научно-юридиче-
 ской однородности такихъ правъ со
 статьями нашего вещего права. Та-
 кая политика, единственно достой-
 ная сильнаго и просвѣщеннаго прави-
 тельства, всегда соблюдалась въ *ираж-*
данскомъ управленіи Закавказ. края“.

Все это было бы справедливо, если
 бы русское правительство дѣйстви-
 тельно сохранило въ бывшихъ му-
 сульманскихъ провинціяхъ то, что
 тамъ ранѣе существовало, а именно
 право пользованія бековъ и мюль-
 кадаровъ землями. Но дѣло въ
 томъ, что правительство присвоило
 имъ не принадлежащее имъ до того
 право собственности. Эта мѣра пра-
 вительства впослѣдствіи, при крестъ-
 янской реформѣ, сильно связала его
 и заставила приравнять свободныхъ
 поселянъ къ бывшимъ крѣпостнымъ
 людямъ. Такимъ образомъ Кучаевъ
 былъ правъ, признавая эту мѣру
 большой ошибкой.

Туземцы-администраторы.

Выше я старался дать характеристику двухъ типовъ русскихъ администраторовъ на Кавказѣ, добраго стараго времени. Одни (бар. Николаи, кн. Воронцовъ, кн. Барятинскій) желали вліять на населеніе чрезъ привилегированные классы, которые всячески поощрялись, поощрялись въ ущербъ народнымъ и государственнымъ интересамъ. Другіе (наприм., Кучаевъ, отчасти М. Т. Лорисъ-Меликовъ, позже Н. А. Султанъ-Крымъ-Гирей) старались прежде всего пріобрѣсти довѣріе народныхъ массъ и стремились удовлетворить ихъ законныя требованія, хотя бы это и шло въ разрѣзъ съ интересами привилегированныхъ классовъ.

Зная общее направленіе стараго бюрократическаго режима въ Россіи, едва ли нужно пояснять, что онъ былъ склоненъ искать для себя опору въ край болѣе всего среди привилегированныхъ классовъ. Поэто-

му нетрудно понять, что первая школа, школа Воронцова и Барятинскаго, должна была играть преобладающую роль.

А разъ правительство заигрывало съ привилегированными классами, то не удивительно, что ихъ представителямъ ввѣряло все управление краемъ. Узкія руссофильскія тенденціи при назначеніи администраторовъ возобладали уже впоследствии, когда столичная бюрократія почувствовала себя настолько сильной, что вполне игнорировала запросы окраинъ. До этого же кавказскимъ туземцамъ (привилегир. классамъ) предоставлялось много вліянія въ войскахъ и администраціи. Эта политика довѣрія, несмотря на свою односторонность (аристократизмъ), оказала въ свое время большія услуги правительству.

Въ трудной горской войнѣ въ рядахъ русской арміи горячо дрались закавказскіе уроженцы. Эта боевая жизнь создала особый типъ кавказскаго героя.

Населеніе лучшихъ своихъ сыновъ отдавало въ войско, и этимъ можно объяснить обиліе среди кавказцевъ прошлаго столѣтія блестящихъ полководцевъ. Грузины выставили кн. Ив. Малх. Андроникова, кн. Г. Е. Эристова, кн. Г. Д. Орбеліани, кн. Л. И. Меликова, кн. З. Г. Чавчавадзе, кн. И. Г. Амилахвари, кн. М. К. Амираджиби и др., армяне—кн. М. З. Аргутинскаго-Долгорукова, кн. В. О. Бебутова, М. Т. Лорисъ-Меликова, А. А. Теръ-Гукасова, И. Д. Лазарева, Я. К. Алхазова, Б. М. Шелковникова и др. Я назвалъ наиболѣе популярныхъ героевъ кавказской войны. А сколько было болѣе скромныхъ дѣятелей, имена которыхъ могли бы служить украшеніемъ исторіи любого другого народа!

Самый характеръ службы вырабатывалъ изъ такихъ лицъ не только храбрыхъ воиновъ, но и искусныхъ стратеговъ, тактичныхъ администраторовъ, честныхъ слугъ казенныхъ интересовъ и пр. Военно-административная служба дѣлала ихъ энци-

клопедистами, и они обнаруживали большой запас практическихъ знаній и такта во всѣхъ разнообразныхъ сферахъ своей дѣятельности. Теперь гражданская служба отдѣлена отъ военной, финансовая часть отъ административной, и пр. Но прежде такого раздѣленія вѣдомствъ не существовало. Необходимо было одной рукой рубиться, другой—нести вѣтку мира. Для столь трудныхъ и сложныхъ обязанностей нашъ край и выставилъ множество вполне подходящихъ людей. И въ этомъ нельзя не видѣть плодотворнаго результата той политики, начало которой положила Екатерина II и которую продолжали вѣкоторыя ея преемники. Это политика ума и сердца, а не крови и желѣза. Это политика довѣрія, а не политика человѣконенавистничества, приведшая къ позору на войнѣ и къ внутренней смутѣ.

Въ настоящемъ очеркѣ я, въ видѣ примѣра, приведу, по своему обыкновению, не самаго яркаго представи-

теля этого теченія. Яркихъ представителей уже отмѣчала печать до
 ня. Я хочу сказать нѣсколько о кн. Лев. Ив. Меликовѣ, о которомъ въ литературѣ не имѣется почти никакихъ свѣдѣній. Онъ во многомъ уступалъ своимъ знаменитымъ современникамъ. Онъ не былъ поэтомъ и ораторомъ, подобно Гр. Дм. Орбелиани. Онъ не совершалъ чудесъ военнаго искусства, подобно В. О. Бебутову или М. З. Аргутинскому, онъ не игралъ такой крупной роли во внутренней политикѣ Россіи, какъ гр. Лорисъ-Меликовъ. Но нельзя отрицать того, что кн. Лев. Ив. Меликовъ, при всей своей скромности и молчаливости, все же былъ характернымъ представителемъ указываемой здѣсь воронцовской школы администраторовъ.

Отличительною чертою воронцовской системы управленія было стремленіе ея къ гуманному обращенію съ вновь покореннымъ и несовсѣмъ еще спокойнымъ населеніемъ, стрем-

ление сродниться съ нимъ и управлять имъ, не производя ломки въ его религіозныхъ, соціальныхъ и моральныхъ возрѣніяхъ и складѣ жизни. Эту систему кв. Л. И. Меликову приходилось проводить въ сферѣ, наименѣе, казалось, подготовленной для ея воздѣйствія—среди дагестанскихъ горцевъ, непосредственно послѣ того, какъ завершилась ожесточенная горская война плѣненіемъ знаменитаго ихъ вождя — Шамиля. Горцы сдались, затаивъ въ глубинѣ сердца месть, которая при первой искрѣ могла бы вспыхнуть широкимъ заревомъ. Все искусство администратора, ступившаго на эту горячую почву, заключалось въ умѣнии искренно и прочно привязать все разноплеменное населеніе къ вновь водворившемуся среди него русскому правительству. Кн. Меликовъ эту трудную задачу разрѣшилъ съ успѣхомъ. Бывшій намѣстникъ кавказскій, кн. Барятинскій, въ 1859 г., назначая

кн. Меликова начальникомъ Дагестанской области и поручая ему ~~выработать~~ ^{составить} положение объ управленіи ~~этой~~ ^{этой} только-что открывавшеюся областью, предложилъ создать такое управленіе, которое бы сохраняло уваженіе къ личности, стариннымъ сословнымъ и поземельнымъ правамъ туземцевъ, отправляло судъ и расправу, преимущественно, по народнымъ обычаямъ и постепенно подготавливало туземцевъ къ такому состоянію, чтобъ устанавливаемый между ними порядокъ могъ быть сохраняемъ безъ содѣйствія военной силы.

Эта мудрая программа кн. Бяратинскаго была понята и проводилась въ жизнь покойнымъ кн. Меликовымъ съ неоспоримымъ тактомъ въ продолженіе цѣлыхъ 20 лѣтъ, при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ. Въ началѣ 60-хъ годовъ, правда, въ разныхъ пунктахъ проявлялись изрѣдка броженія, но они не имѣли серьезнаго значенія и скоро устранялись благодаря умѣлымъ распоря-

женіямъ осторожнаго начальника области.

Другимъ осязательнымъ тельствомъ правильности системы, принятой кн. Барятинскимъ и кн. Меликовымъ въ Дагестанѣ, можетъ служить почти полное отсутствіе переселеній горцевъ изъ Дагестана въ Турцію, въ то время, какъ стремленіе къ такому выселенію замѣчалось по всей остальной линіи Кавказскаго хребта. Администраціею Дагестанской обл. былъ принятъ цѣлый рядъ несомнѣнно разумныхъ мѣръ, чтобъ остановить помянутое стихійное движеніе въ Турцію. Вотъ что доносилъ кн. Меликовъ въ 1863 г. великому князю Михаилу Николаевичу, какъ это видно изъ напечатаннаго отчета о состояніи названной области:

„Не говоря уже о томъ, что бѣгство отъ насъ огромной массы людей опустошило бы край, умиротвореніе котораго стоило намъ полувѣковой борьбы—оно подвергло бы переселен-

цевъ неисчислимымъ бѣдствіямъ и
лишило бы насъ надолго всякаго до
вѣрія остальныхъ туземцевъ.

„Имѣя въ виду эти важныя причи-
ны, я почелъ долгомъ сдерживать,
по возможности, дальнѣйшее распро-
страненіе броженія умовъ въ пользу
переселенія въ Турцію, и для этого
предположилъ: а) строго преслѣдо-
вать злоумышленныхъ людей, кото-
рые тревожатъ населеніе вымышен-
ными внушеніями объ ожидающихъ
ихъ притѣсненіяхъ; б) не препятство-
вать нѣсколькимъ отдѣльнымъ лицамъ
и семействамъ выселяться въ Тур-
цію, когда они высказываютъ это
желаніе безъ подстрекательства сво-
ихъ и другихъ обществъ къ пересе-
ленію отъ насъ, и в) стараться всѣ-
ми способами кроткаго вразумленія
возбужденныхъ обществъ, чтобъ они
не довѣрялись ложнымъ внушеніямъ
злоумышленниковъ, ищущихъ въ вы-
селеніи ихъ только личныхъ выгодъ.

.....Обществамъ, выразившимъ
желаніе выхода въ Турцію, объяс-

няемы были съ самымъ искреннимъ доброжелательствомъ всѣмъ случайности перехода въ отдаленныя мѣста и предложено было, чтобъ они предварительно послали депутатовъ, испросили себѣ земли, осмотрѣли удобства ихъ, сообразили трудности переселенія съ льготами, которыя обѣщаетъ имъ турецкое правительство, и тогда уже, если они найдутъ переселеніе выгоднымъ, просили на то дозволенія начальства.

„Мѣры эти оказали полный успѣхъ. Стремленіе къ переселенію къ концу 1860 г. постепенно начало утихать и огромная масса населенія спасена отъ неотвратимыхъ бѣдствій, которыя испытаны были переселенцами изъ другихъ частей Кавказа. Жалкіе остатки ихъ, частью уже возвратившіеся на старыя мѣста, явились до того обнищавшими, что сдѣлались бременемъ для населенія, которое ихъ приняло въ свою среду“. (Стр. 56 и 57).

«Чтобы вполне понять секретъ ус-

пѣховъ кн. Меликова, читатель долженъ принять во вниманіе слѣдующее его profession de foi, изложенное въ томъ же документѣ:

„Борьба наша должна состоять въ обдуманномъ сопротивленіи фанатическимъ увлеченіямъ туземцевъ, въ сопротивленіи безъ раздраженія и мстительности, направленномъ къ тому, чтобъ удержать на сторонѣ порядка благомыслящую часть духовенства и народа, парализировать чрезъ нихъ стремленіе фанатиковъ и происки безпокойныхъ людей, и только въ случаѣ безуспѣшности такого образа дѣйствій, прибѣгать къ крайнимъ мѣрамъ сопротивленія силою...

„Мы имѣемъ много примѣровъ, что общія крутыя мѣры противъ религіознаго фанатизма и сектъ, имъ порождаемыхъ, принимались всегда и всюду за несправедливое гоненіе, и если они вынуждали сектаторовъ смириться, то для того только, чтобъ усыпить правительство временнымъ

успѣхомъ и затѣмъ снова предаюсь/
своему дѣлу съ большимъ, ~~успѣхомъ~~ ~~предан~~
жде, рвеніемъ.“

308-21701333

1892 г.

И. С. Хатисовъ.

(† 1894 г.)

УДѢЛЕНА
ВЪ СЪВѢТѢ

И. С. Хатисовъ далеко не занималъ того высокаго положенія, какъ вышеупоминаемые администраторы. Онъ былъ одно время только агрономомъ, состоящимъ въ распоряженіе намѣстника, а затѣмъ управляющимъ государств. имуществами Тифлисской губ. Тѣмъ не менѣе стоитъ на немъ остановиться, какъ на довольно яркомъ представителѣ извѣстной категоріи кавказцевъ-администраторовъ.

И. С. Хатисовъ былъ прежде всего шестидесятникомъ по всѣмъ своимъ качествамъ, какъ внѣшнимъ, такъ и внутреннимъ—по духу, по направленію. Онъ принадлежалъ къ этому поколѣнію, и по времени своего вступленія въ жизнь (1861 г.), и по своей спеціальности (естественникъ), и по своей службѣ (крестьянскія дѣла), и по своей общественной дѣятельности (участіе въ разныхъ органахъ общественнаго самоуправ-

ленія: общество сел. хоз., школьнныи
и другія учрежд.), и даже на тамне
раменту (не кабинетный, а живой
дѣятель и ораторъ).

Въ шестидесятникѣ принято ви-
дѣть прежде всего отрицателя и раз-
рушителя. Отсюда и пресловутое на-
званіе „нигилистъ“. Это, пожалуй, и
вѣрно: старый укладъ жизни былъ
разрушенъ реформами шестидесятыхъ
годовъ. Но нужно принять во внима-
ніе, что сейчасъ послѣ упраздненія
старыхъ порядковъ съ лихорадоч-
нымъ увлеченіемъ выводилось новое
зданіе. Новый судъ, крестьянскія и
земскія учрежденія, народная школа,
женскіе курсы—все это дѣла тѣхъ
5—6 лѣтъ, въ продолженіе которыхъ
и проявлялась активная дѣятельность
шестидесятниковъ въ законодатель-
ной сферѣ. Если же проявлялись тог-
да и разрушительныя наклонности,
то онѣ служили не основнымъ моти-
вомъ дѣятельности, а были лишь не-
избѣжнымъ результатомъ сильнаго

стремленія къ нововведеніямъ. Эти нововведенія какъ бы сами вытѣснили устарѣлыя формы жизни. Во всякомъ случаѣ, по настроенію уцѣлѣвшихъ до послѣдняго времени шестидесятниковъ невозможно заключить, чтобы отрицательныя стремленія преобладали въ ихъ характерѣ. Это не желчныя скептики и не отчаявшіеся пессимисты, не ипохондрики и не мизантропы, а, напротивъ—люди, поражающіе послѣдующія поколѣнія 80-хъ и 90-хъ годовъ бодростью духа, цѣльностью натуры и даже нѣкоторою жизнерадостностью. Такимъ былъ и покойный И. С. Хатисовъ. Это былъ человѣкъ, весь сотканный изъ разныхъ плановъ, основанныхъ на наукѣ, на знаніи края, на стремленіи внести въ жизнь новые, лучшіе порядки. Это была натура, менѣе всего расположенная къ рефлексіи, какъ и къ безсильному нытью. Это была сила активная, вызывающая жизнь во всемъ, чего только ни касалась его рука. Эта бодрость его

сообщалась его сотрудникамъ, словно по электрическому току.

Симпатичной стороною дѣятельности покойнаго И. С. Хатисова была также рыцарская поддержка, оказывавшаяся имъ гонимому злою судьбой люду.

Когда только правительство задавалось цѣлью приютить у себя безземельный, бездомный, беззащитный и голодный народъ, И. С. Хатисовъ бывалъ неутомимъ въ своемъ содѣйствіи. Такъ, онъ послѣ послѣдней русско-турецкой войны устраивалъ турецкихъ армянъ, бѣжавшихъ изъ Турціи; такое же участіе принималъ онъ въ заселеніи Черноморскаго округа иностраннымъ элементомъ. Эти дѣйствія въ челоуѣконенавистническихъ органахъ печати неоднократно вызывали нападки на антипатріотическое будто направленіе кавказскаго начальства. Но эти нападки были бессмысленны, такъ какъ упомянутымъ мѣрамъ нельзя было не сочувствовать всѣмъ, безъ различія національности и религіи. Несчастливымъ

выходцамъ изъ Турціи давалось толь-
ко то, что не занималось коренными
жителями и выходцами изъ внутреннихъ
нихъ губерній. Это—историческій
фактъ, существованіе котораго нельзя
опровергнуть никакими шовинисти-
ческими выходками столичныхъ га-
зетъ и кавказскихъ публицистовъ.
Выходки эти до того шаблонны и
лишены почвы въ дѣйствительной
жизни, что начинаютъ уже напоми-
нать мотивы разбитой шарманки, раз-
считанные на вкусъ совсѣмъ нераз-
витой, темной массы.

Но устройство турецкихъ выход-
цевъ на Кавказѣ было дѣло не одной
только филантропіи или армянскаго
патріотизма. Оно оправдывалось и
государственными соображеніями. Еще
Екатерина II твердо рѣшила пойти
на встрѣчу христіанамъ, тѣснимымъ
со всѣхъ сторонъ Персіей и Турціей.
Екатерина II первая отравила рус-
скія войска въ центръ Закавказья и
дала среди мѣстнаго населенія зародиться мысли о заступничествѣ Рос-

сіи за христіанъ, порабощавшихся мусульманами. Благодаря именно такому гуманному отношенію русской государыни къ угнетеннымъ народностямъ, среди послѣднихъ сложилось убѣжденіе въ необходимости искать русскаго покровительства и подданства.

Столь же гуманно было отношеніе Екатерины II собственно къ армянамъ. Послѣдніе наиболѣе были угнетаемы мусульманами. У армянъ не было даже той тѣни политической самостоятельности, которая еще существовала въ грузинскихъ провинціяхъ Закавказья.

Вмѣстѣ съ тѣмъ армяне и греки являлись самымъ полезнымъ элементомъ въ Турціи. Торговля, промышленность, государств. финансы, самыя трудныя отрасли госуд. управленія— все держалось тамъ на христіанахъ. Госуд. мудрость подсказала Потемкину и другимъ сподвижникамъ русской монархини отнять у Турціи именно этотъ наиболѣе полезный для

нея элементъ и имъ заселить вновь
 прибрѣтенныя страны—Крымъ, Сѣ-
 верный Кавказъ и отчасти Новорос-
 сію. Этой мѣрой достигалась тройкая
 цѣль:

1) Выполнялся христіанскій долгъ,
 такъ какъ облегчалась участь мно-
 гихъ тысячъ вѣрующихъ; 2) ослабля-
 лась Турція, и 3) Россія прибрѣта-
 ла безусловно преданныхъ ей под-
 данныхъ, способныхъ къ тому же
 оживить своимъ трудомъ только-что
 очищенныя турками и ногайцами про-
 винціи.

Гуманное отношеніе правительства
 Екатерины къ чужеземнымъ христіа-
 намъ было сѣменемъ, которое дало
 впоследствии пышные плоды. Послѣ-
 дующіе государи, придерживаясь той
 же политики, продолжали быстро
 расширять границы своего государ-
 ства. Русскія войска, опираясь на
 сочувствіе къ нимъ со стороны хри-
 стіанъ, на ихъ дѣятельную помощь,
 легко овладѣвали одной провинціей
 за другой въ Персіи и Турціи. Доста-

точно вспомнить миссію епископа /
 Іосифа Аргутинскаго, исторію при-
 соединенія къ Россіи Эривани, Ахал-
 циха, Ахалкалакъ, и, наконецъ, по-
 слѣдную русско-турецкую войну.

Современные газетные критики
 Екатерины II не понимаютъ или при-
 творяются непонимающими, для чего
 понадобилось русской государынѣ
 заигрывать съ разными мелкими на-
 родностями, когда было проще взять
 и присоединить ихъ къ русскому
 подданству. Это напоминаетъ пре-
 словутый крикъ патриотовъ своего
 отечества: „шапками закидаемъ всю
 Европу“...

Современные зоицы не принимаютъ
 въ расчетъ обстоятельствъ того вре-
 мени: состоянія путей сообщенія,
 численности войскъ, тогдашнихъ раз-
 мѣровъ государства и его финансовъ,
 состоянія военнаго искусства, воору-
 женія и пр., и пр.

Кромѣ того, Екатерѣна II, какъ и
 всякій другой мудрый государь, пред-
 почитала мирныя, безкровныя побѣ.

ды безконечнымъ разорительнымъ и кровопролитнымъ войнамъ, которыхъ которыхъ которыхъ къ тому же могъ заться сомнительнымъ, при недостаткѣ войскъ и дипломатическаго такта.

Въ самомъ дѣлѣ, вспомнимъ, какими силами располагала Екатерина II на азіатскомъ полѣ войны. Обыкновенно дѣйствовали одинъ или два баталіона! Съ ихъ помощью предпринимались походы противъ турокъ (напр., при Тотлебенѣ), съ ихъ же помощью покорялись цѣлыя царства. Возможны ли были такіе успѣхи, если бы въ расчетъ принимались исключительно военные способы покоренія? Сердце и умъ гораздо болѣе оружія работали при такой политикѣ, и только этому нужно приписать тѣ блестящіе успѣхи, которые не оставляли Екатерину II во все время ея царствованія.

Довѣріе, оказанное императрицей мелкимъ народностямъ Кавказа, было вполнѣ оправдано послѣдними. И царь грузинскій Ираклій II, и име-

ретинскій царь Соломонъ I съ раду-
шіемъ встрѣтили русскія войска и
большей частью дружно дѣйствовали
противъ Турціи. Эта же политика
дала русскому правительству блестя-
щія плеяды дѣятелей изъ кавказскихъ
туземцевъ, не жалѣвшихъ своихъ да-
рованій и даже крови для общей ро-
дины.

1894 - 96 гг.

С. Н. Кривенко.

Серг. Ник. Кривенко—одинъ изъ выдающихся писателей-народниковъ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтїя, сотрудникъ некрасовскихъ „Отечеств. Зап.“, ведшій тамъ „Внутреннее обозрѣнїе“ послѣ Елисеева и товарищъ Н. К. Михайловскаго по редактированїю „Русскаго Богатства“ въ началѣ 90-хъ годовъ. Онъ хотя и не обладалъ яркимъ публицистическимъ талантомъ, но былъ все же однимъ изъ вѣрныхъ выразителей народническаго теченїя въ русской литературѣ.

Въ немъ отразились какъ достоинства этой школы—безграничная любовь къ простонародью, стойкое отстаиванїе его интересовъ и пр., такъ и недостатки, въ числѣ которыхъ вельзя не упомянуть пренебрежительнаго отношенїя къ окраиннымъ вопросамъ.

Идя въ народъ, С. Н. Кривенко попалъ между прочимъ и на черно-

морское побережье, гдѣ жилъ въ одномъ изъ основавшихся тамъ турнскихъ скитовъ (объ этомъ, кажется, онъ упоминаетъ въ своей книгѣ о „культурныхъ скитахъ“). Но основательно познакомиться съ нашимъ краемъ и особенно съ его населеніемъ ему не удалось. Вращаясь среди мѣстнаго чиновничества и купечества, онъ невольно усвоилъ пренебрежительное отношеніе ихъ къ кавказскимъ туземцамъ.

Если бъ это было случайнымъ явленіемъ, пожалуй, не стоило бы на немъ остановиться. Но, къ сожалѣнію, ошибку Кривенко нерѣдко повторяли и другіе народники—радикалы.

Въ ноябрьской книжкѣ „Русск. Бог.“ за 1894 г. помѣщена была статья С. Н. Кривенко „Какъ живетъ Закавказье?“ Здѣсь многое—повтореніе того, что писали Кучаевъ, Тихѣевъ и др. о Кавказѣ (крестьянскій и поземельный вопросы, исторія администр. управления и пр.). Оставляя все это въ сторонѣ, я прямо перейду къ той

легкой, но довольно яркой характеристикѣ экономическаго и интеллектуальнаго состоянія разныхъ народовъ края: грузинъ, армянъ и татаръ, которую даетъ авторъ названной статьи.

Здѣсь прежде всего поражаетъ одна странность, которую не можетъ не замѣтить всякій добрый кавказецъ: характеристика эта вполне совпадаетъ съ тою, которую обыкновенно даютъ на противоположномъ полюсѣ русской печати: въ „Московск. Вѣд.“ и „Нов. Вр.“ Взглядъ этихъ органовъ въ отношеніи насъ, кавказцевъ, какъ извѣстно, крайне пессимистическій. Мы, по этому взгляду, оказываемся народомъ совсѣмъ отбитымъ, недостойнымъ окружающей насъ великолѣпной природы. Разница сужденій тѣхъ и другихъ изданій заключается развѣ только въ томъ, что въ то время, какъ реакціонная печать иногда щадитъ нашихъ мусульманъ (см., наприм. статьи Чингисъ-хана въ „Моск. Вѣд.“), въ ли-

беральному журналѣ царить въ этомъ отношеніи полное равенство и братство. Передъ прогрессистскимъ публицистомъ и армяне, и грузины, и татары почти одинаково отсталыя и даже, такъ сказать, допотопныя народности. Разница заключается, впрочемъ, и въ тонѣ. Въ „Нов. Вр.“ Старожиль, а въ „Моск. Вѣд.“ гг. Чингисъ-ханъ и Мокіевскій-Зубокъ разносили насъ съ какимъ-то злорадствомъ, а въ рѣчахъ С. К. слышится какъ будто жалостливая нота. Это говорить не врагъ нашъ, а скорѣе другъ, хотя они оба одинаково плохо знаютъ насъ.

Грузины и армяне, говорить г. С. К., очень напоминаютъ двухъ птицъ, встрѣчающихся на Черномъ морѣ,—пеликана и баклана. Первый—большой, неповоротливый, сонный; второй—зоркій, ловкій и безцеремонный. Онъ усаживается иногда на спину пеликану и сидитъ, какъ на креслѣ, а когда тотъ соберется поймать кабую-нибудь рыбу, то бросается и выхватываетъ ее у него изъ подъ самага носа, послѣ чего опять садится на прежнее мѣсто. При рѣзко выраженномъ инстинктѣ къ обогащенію, при

хорошихъ способностяхъ и стремленіи къ образованію, армяне въ послѣдніе 25 лѣтъ приобрѣли преобладающее значеніе въ краѣ: они захватили въ Закавказьѣ не только почти всю торговлю и промышленность, но и большую часть городскихъ имуществъ, а также немало и земельной собственности.. Хотя долги бывшему приказу общ. призрѣнія были сложены наполовину, но частныхъ долговъ армянамъ у грузинъ такъ много, что, дѣйствительно, есть возможность массоваго перехода къ нимъ ихъ земель“...

Переходя къ характеристикѣ мусульманъ, авторъ еще болѣе сгущаетъ краски. Поземельное обезпеченіе, данное при кн. Воронцовѣ мелкимъ землевладѣльцамъ изъ татаръ, по увѣренію г. С. К., основанному, повидимому, на свидѣтельствѣ старыхъ кавказскихъ бюрократовъ, имѣло крайне пагубные результаты.

„Въ политическомъ отношеніи, говоритъ г. С. К., случилось слѣдующее: беки и агалары очень скоро оказались самымъ безпокойнымъ элементомъ въ краѣ; кромѣ укрывательства разбойничьихъ шаекъ и непосредственно совершавшихся ими сами разбоевъ и грабежей, они всегда являлись прямыми или косвенными участника-

ми во всѣхъ аграрныхъ преступленіяхъ, а своими притѣсненіями крестьянъ и мирныхъ жителей, возбуждали ихъ противъ Россіи. Положеніе создалось самое невозможное“.

Больно и обидно, когда такъ аттестуетъ населеніе нашего края одинъ изъ симпатичнѣйшихъ русскихъ публицистовъ, ближайшій сотрудникъ Салтыкова-Щедрина, Елисеева и Михайловскаго. Больно и обидно, потому что такіе огульные отзывы крайне несправедливы.

Разберемъ, однако, каждое изъ вышеприведенныхъ положеній отдѣльно.

Первое положеніе автора заключается въ томъ, что грузины обезземеливаются и ихъ имѣнія переходятъ къ армянамъ. Конечно, бывали отдѣльные случаи, что грузины лишались земель и послѣднія пріобрѣтались армянами, и было бы странно, если бъ такихъ отдѣльныхъ случаевъ вовсе не бывало. Но весь вопросъ въ томъ-то и заключается, насколько возможно обобщать такіе случаи. Нѣкоторые князья, увлекаясь великосвѣтскою жиз-

нью, принуждены были распродать свои имѣнія. Примѣры эти, конечно, бросались въ глаза въ городахъ, какъ они имѣли мѣсто на виду у всѣхъ. Но приписывать то же массѣ сельскихъ землевладѣльцевъ—нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній. Рядомъ съ заухудалостью и оскудѣніемъ нѣкоторыхъ княжескихъ домовъ, среди грузинъ прорывается вполне здоровое теченіе. Образование и трудъ пробудили въ молодомъ поколѣніи грузинъ пониманіе своихъ выгодъ и желаніе крѣпко держаться земли, а общественное самознание помогло освободиться въ значительной части отъ рѣстовщиковъ, благодаря основанію земельныхъ банковъ, ссудо-сберегательныхъ товариществъ, обществъ взаимнаго кредита и пр. Кромѣ того, отмѣна крѣпостного права дала возможность выдвинуться новымъ элементамъ изъ народа, среди котораго стало развиваться и крѣпить мелкое землевладѣніе. Лица крестьянскаго, духовнаго и служилаго сословія въ настоящее вре-

ма составляютъ среди грузинъ довольно-
 но компактный классъ собственни-
 ковъ, помышляющихъ не о ликвида-
 ции своего хозяйства, а, напротивъ, о
 возможно большемъ расширеніи.

Такимъ образомъ большинство грузинъ
 вовсе не летитъ по наклонной
 плоскости къ состоянію пролетарія,
 какъ увѣряетъ г. С. К., а тѣ нѣсколь-
 ко крупныхъ помѣщиковъ, которые
 дѣйствительно продали свои имѣнія,
 продали ихъ не армянамъ, а удѣль-
 ному вѣдомству, и продали не безъ
 выгоды для себя. Спрашивается, при
 чемъ тутъ армяне и національный
 антагонизмъ? И среди армянъ неразъ
 замѣчались случаи, когда они лиша-
 лись земель, не будучи въ состояніи
 заниматься сельскимъ хозяйствомъ.

Довольно интересныя въ этомъ отно-
 шеніи данныя можно найти въ фелье-
 тонахъ груз. писателя, печатавшихся
 въ 1891 г. въ „Нов. Об.“ по поводу
 извѣстныхъ статей г. Чингисъ-хана въ
 „Моск. Вѣд.“ („Нов. Об.“, № 2456);

„Обоими этими банками (тифл. и кута-
 иссск. двор. земельными) до сихъ поръ за
 15—16 лѣтъ ихъ существованія ^{выдано}
отрое больше ссудъ подь городскія имуще-
 ства, чѣмъ подь сельскія. При всемъ ста-
 раніи обоихъ банковъ, даже и дворянство
 въ Грузіи не польстилось на соблазнъ: до
 сихъ поръ въ банкахъ этихъ не заложено
 и *одной сотой доли грузинскихъ имѣній*,
 въ чемъ нетрудно убѣдиться сличеніемъ
 балансовыхъ цифръ обоихъ банковъ съ
 валовою оцѣнкою грузинскаго землевладѣ-
 нія, произведеннаго для взиманія казен-
 наго налога.

Извѣстно, кромѣ того, съ какою
 поразительною быстротою и безъ вся-
 каго содѣйствія казны, выкупаются
 въ Имеретіи крестьянскіе надѣлы. За
 нихъ заплачено уже нѣсколько мил-
 ліоновъ, а въ дѣйствительности они
 стоятъ гораздо болѣе.

Далѣе увѣреніе автора, что армяне
 всячески эксплуатируютъ грузинъ, по
 меньшей мѣрѣ очень устарѣло. Былъ
 моментъ (въ 60 и 70-хъ гг.), когда
 скопившіеся у тифлисскихъ купцовъ
 капиталы, благодаря военнымъ под-
 рядамъ, не находили другого помѣ-

щенія, какъ въ отдачѣ подѣ ростѣ за
 чрезмѣрно высокіе проценты, но это
 время ушло безвозвратно и самі тиф-
 лисскіе купцы, какъ выше указано въ
 фельетонѣ „Нов. Об.“, ищутъ кредита
 въ грузинскихъ банкахъ. Молодое по-
 колѣніе армянъ сдѣлало замѣтный шагъ
 впередъ въ дѣлѣ просвѣщенія и по-
 двизается на поприщѣ такихъ свобод-
 ныхъ профессій, какъ адвокатура,
 медицина, горная промышленность и
 пр. Кулачество же и ростовщичество
 держится преимущественно въ темномъ
 людѣ, глухихъ и заброшенныхъ мѣ-
 стностяхъ, какъ это замѣчается, впро-
 чемъ, и во всѣхъ другихъ мѣстно-
 стяхъ Россіи, а не только среди армян-
 скаго населенія.

Что же касается мусульманъ, то
 изъ вышеприведенной цитаты чита-
 тель увидитъ, что г. С. К. обвиняетъ
 бековъ и агаларовъ чуть не поголовно
 въ политическихъ и уголовныхъ пре-
 ступленіяхъ. Говоря о первыхъ изъ
 этихъ преступленій, авторъ очевидно
 закавказскихъ мусульманъ смѣшалъ

съ горцами 60 и 70-хъ гг., когда послѣдніе невольнѣ были замирены. Нужно такъ полагать, потому что татары наши, какъ извѣстно, еще со временъ бар. Розена и кн. Воронцова не представляютъ собой безпокойнаго въ политическомъ отношеніи элемента. Уголовныя преступленія, правда, совершаются часто, и въ нихъ, къ сожалѣнію, верѣдко бываютъ повинны беки и агалары, но винить въ этомъ поземельную ихъ обезпеченность было бы величайшею ошибкой. Напротивъ, если бъ они были оставлены безъ такого обезпеченія и брошены на произволь судьбы, нѣтъ сомнѣнія, криминальная хроника Кавказа была бы несравненно богаче. Аграрныя преступленія среди мусульманъ имѣютъ своимъ основаніемъ не плохое распредѣленіе земель между сословіями, а крайнюю неопредѣленность и прямо запутанность земельныхъ отношеній, неразмежеванность края, кочевой бытъ населенія и пр., и пр.

Приведенныя огульныя обвиненія

противъ привилегированнаго класса
разныхъ кавказскихъ національностей
и противопоставленіе ему интересовъ
простонародья—слишкомъ знакомыя
для насъ рѣчи, но онѣ не вяжутся
съ направленіемъ г. С. К. и того жур-
нала, въ которомъ онѣ сотрудничалъ.
Прожекты, имѣющіе цѣлью идти по-
ходомъ противъ интеллигенціи, также,
какъ извѣстно, прикрывались народ-
ничествомъ.

1894 г.

УДК 74.001.013.33

Умираютъ послѣдніе шестидесяти
ки. Умеръ въ октябрѣ 1905 г. проф.
Свѣченъ, черезъ нѣсколько дней
умеръ и Лесевичъ. Оба они были лю-
ди науки, но на обоихъ реформатор-
ское движеніе шестидесятихъ годовъ
наложило свой прочный отпечатокъ.
Оба остались до глубокой старости
молоды душой, отзывчивы на народ-
ныя нужды, чутки къ запросамъ жизни.

Перваго я слушалъ въ новороссій-
скомъ университетѣ въ 70-хъ годахъ.
Онъ никогда не выходилъ изъ рамокъ
науки на своихъ лекціяхъ. Онъ не
искалъ популярности и былъ безза-
вѣтно преданъ наукѣ. Но онъ въ то
же время находилъ досугъ, чтобы глу-
боко вдумываться въ вопросы совре-
менной жизни.

Ближе мнѣ удалось впоследствии
познакомиться съ Вл. Викт. Лесеви-
чемъ. Я его въ 1889 г. въ Петербургѣ
встрѣчалъ у Ник. Конст. Михайлов-
скаго, на литературныхъ журфиксахъ.

Это было время глухой реакціи. Большая часть демократических изданій была закрыта по распоряженію правительства, а новыя изданія не разрѣшались. Сотрудники „*Отечеств. Зап.*“ и „*Дѣла*“ собирались то у Михайловскаго, то у Лесевича обсуждать разныя комбинаціи для обхода наложеннаго на прогрессивный лагерь запрета, но ни къ чему не приходили. Возникшій въ 1885 г. „*Сѣверный Вѣстн.*“ г-жи Евреиновой уже не удовлетворялъ кружокъ Михайловскаго, и члены этого кружка понемногу покидали журналъ. Въ описываемое время, вслѣдъ за Михайловскимъ, Гл. Успенскимъ, Лесевичемъ, вышелъ и Южаковъ. Лишь спустя два года этому кружку удалось пріобрѣсти у Л. Е. Оболенскаго „*Русское Богатство*,“ но и тутъ вскорѣ вышли нелады. Журналъ оставили С. Н. Кривенко и О. Н. Попова и основали „*Новое Слово*,“ но ненадолго. Почти во всѣхъ этихъ комбинаціяхъ принималъ дѣятельное уча-

стие Лесевичъ и его глубоко волновали неудачи его кружка.

Приблизительно въ это же время я вмѣстѣ съ моими братьями сталъ издавать въ Тифлисѣ ежедневную газету „Новое Обозр.“ Вотъ тутъ-то мнѣ пришлось убѣдиться въ безконечномъ альтруизмѣ покойнаго В. В. Лесевича. Этотъ философъ, столичный литераторъ, находилъ время оказывать горячую поддержку то нашему маленькому провинціальному изданію, приходя всегда на помощь своими добрыми совѣтами, то маленькимъ, начинающимъ литераторамъ, не находящимъ себѣ мѣста для работы въ столичной прессѣ. Нуженъ ли смѣтный корректоръ, къ кому намъ обратиться, какъ не къ безконечно доброму Лесевичу? Нуженъ ли опытный критикъ и журнальный обозрѣватель, обращаемся все къ тому же Лесевичу... А вотъ нужна какая-то неіпріятная справка въ столичныхъ учрежденіяхъ, и тутъ нѣтъ у насъ лучшаго друга, какъ Лесевичъ, который можетъ помочь.

Особенно онъ любилъ поддерживать начинающихъ литераторовъ. ^{Всякий кто} изъ нашихъ сотрудниковъ ^{попадаетъ} въ Петербургъ, то онъ зналъ только одного человѣка, который проявлялъ тамъ теплое участіе къ судьбѣ маленькаго провинціального литератора; это былъ Лесевичъ, безконечно добрый и гостепріимный. Я помню ту радость, съ какою онъ открылъ талантъ г. Вересаева. Первая крупная повѣсть послѣдняго „Безъ дороги“ появилась въ 1895 г. въ „Русск. Богат.“ и встрѣтила сочувственный отзывъ прежде всего въ редактируемой мною газетѣ. Лесевичъ обратилъ на это вниманіе и былъ очень радъ. При его посредствѣ мнѣ удалось заручиться сотрудничествомъ г. Вересаева. Онъ напечаталъ у насъ „Прекрасную Елену“ и затѣмъ еще одинъ очеркъ изъ дѣтской психологій.

По этому поводу Лесевичъ пишетъ мнѣ 29 апрѣля 1897 г.:

„Я былъ очень обрадованъ, увидя въ вашей газетѣ Вересаева во второй

разъ и затѣмъ Баранцевича. Маминъ, котораго я видѣлъ вчера, горюю, утѣшя меня, что непременно напишетъ для васъ, а о Сѣрошевскомъ я и не сомнѣваюсь. Проѣзжая черезъ Тифлисъ, онъ зайдетъ къ вамъ съ моей карточкой и, быть можетъ, уже и съ готовымъ рассказомъ. Идея этого сказа мнѣ очень понравилась и если изложеніе удастся,—это будетъ рассказъ превосходный”.

Въ другомъ письмѣ, отъ 3 іюня 1896 г., Лесевичъ пишетъ мнѣ все о г. Вересаевѣ:

„Очень бы хотѣлось застать его по возвращеніи устроившимся въ Петербургъ. Пока еще обстоятельства его остаются невыясненными и мѣсто при больницѣ за нимъ не закрѣплено.“

Такою же теплотой отличаются его отзывы о нѣкоторыхъ другихъ молодыхъ писателяхъ. Можно вспомнить, напр., отзывъ Лесевича о безвременно погибшемъ молодомъ поэтѣ Корсакѣ (К. Александровъ) въ „Русской Мысли“ (кн. VIII, 1898 г.).

Но насколько Лесевичъ былъ трогательно внимателенъ къ писателямъ

прогрессивнаго лагеря, настолько же
 онъ былъ рѣзокъ и желченъ въ отзы-
 вахъ о писателяхъ-мракобѣсахъ или
 перебѣжчикахъ изъ одного лагеря въ
 другой. Пересматривая письма покой-
 наго ко мнѣ, я нахожу самые не-
 годующіе отзывы о В. Величкѣ. По-
 слѣдній, какъ бывший сотрудникъ сто-
 личныхъ либеральныхъ журналовъ, за-
 ручился сотрудничествомъ писателей
 прогрессивнаго лагеря для издававшя-
 гося имъ въ то время (1897—99 гг.)
 официальнаго „Кавказа“. Величко въ то
 же время сталъ беззастѣнливо за-
 ниматься провокаціей. Прикидываясь
 либераломъ, онъ предпринялъ на стра-
 ницахъ официальнаго органа травлю
 противъ армянской интеллигенціи и
 вообще всѣхъ прогрессивныхъ элемен-
 товъ Кавказа. Онъ противился вве-
 денію здѣсь земскихъ учрежденій,
 суда присяжныхъ и открытію высшаго
 учебнаго заведенія, причемъ орудіемъ
 борьбы былъ избранъ доносъ. Какъ
 ни далеко былъ Величко отъ столицъ,
 въ столицахъ нѣкоторые все же уга-

дали политику его и отстали отъ него (наприм. Гольцевъ, Станиславъ Джаншиевъ), другіе же, дѣнію или по своему безразличію, продолжали числиться сотрудниками Величко. Въ числѣ послѣднихъ былъ и покойный Влад. Соловьевъ.

Вспоминая объ этомъ послѣ смерти В. Соловьева, Лесевичъ пишетъ мнѣ въ 1900 г.:

„Обскурантизмъ послѣднихъ лѣтъ сказывается! Чего только не писали о Соловьевѣ?... Я думаю, что скоро въ великую заслугу ставить будутъ, если русскій философъ выскажется противъ людоедства, а тамъ проповѣдуй хоть шаманизмъ. Кричатъ въ одинъ голосъ: талантъ, талантъ!... И какъ разъ величайшіе философы XIX в. Кантъ, Контъ, Авенариусъ таланта не имѣли. И еще: свою философію, говорятъ, искалъ. А Чернышевскій своей не искалъ, а обществу послужилъ: обскурантизма не проповѣдывалъ. Горе намъ, что общественный критерій куда-то ухнулъ“.

Въ 1897 г. Лесевичъ предпринялъ чтеніе публичныхъ лекцій въ южныхъ

городахъ Россіи и заѣхалъ также на Кавказъ. Но эта поѣздка обошлась ему недешево. Всюду онъ сильно волновался. Ему не было разрѣшено чтеніе лекцій въ Петербургѣ, вѣроятно, потому что онъ передъ тѣмъ, въ теченіе 10 лѣтъ, находился въ административной ссылкѣ. Говорю „вѣроятно“, такъ какъ трудно допустить, чтобы темы лекцій могли пугать правительство. Лесевичъ читалъ о такихъ сухихъ, научныхъ матеріяхъ, какъ фольклоръ, философія Авенариуса и т. п. Но у насъ, какъ въ Турціи, нѣтъ закона, а все зависитъ отъ случая; вѣрнѣе, отъ произвола мѣстныхъ властей. То, что считается совершенно законнымъ въ одномъ городѣ, оказывается недопустимымъ въ другомъ. Вотъ почему, прежде чѣмъ пріѣхать на Кавказъ, Лесевичъ велъ продолжительную переписку со мной. Въ Тифлисѣ у него нашлись кое-какія связи и онъ успѣлъ здѣсь прочесть три лекціи, а во Владикавказѣ не было такихъ связей, разрѣшенія пришлось бы

ждать долго, и поэтому лекцію онъ прочелъ только въ частномъ домѣ Лесевичъ былъ въ Тифлисѣ разгаръ челоѣконенавистническаго режима кн. Голицына и его. правой руки—Велички. Даже мысль объ открытіи для Кавказа хоть одного высшаго учебнаго заведенія считалась преступною. Когда Лесевичъ спросилъ меня: на что именно пожертвовать сборъ отъ его лекцій, то я указалъ на проектируемый политехникумъ. Въ то время вопросъ о послѣднемъ былъ возбужденъ тифлисскимъ городскимъ управленіемъ и собирались пожертвованія мѣстными общественными учрежденіями, чо собирались тайкомъ, такъ какъ официальнаго разрѣшенія не было. Правда, не было и запрещенія, такъ какъ было бы слишкомъ скандально запрещать сборъ денегъ на учебное заведеніе. Но все же Лесевичу не разрѣшили публиковать, что сборъ съ лекцій предназначенъ для будущаго кавказскаго политехникума. Когда Лесевичъ изум-

ленно спросилъ у учебнаго начальства, откуда такая немилость свѣтительнымъ учрежденіямъ, то ему шепнули: во всемъ, молъ, виновать сепаратизмъ армянъ и грузинъ.

Лесевичъ съ горечью передавалъ мнѣ дикія бесѣды, которыя вели съ нимъ въ канцеляріи попечителя учебнаго округа. Тамъ ему рассказали фантастическія басни о сепаратизмѣ кавказскихъ туземцевъ, чтобъ оправдать свою преступную агитацію противъ открытія въ краѣ какихъ бы то ни было новыхъ школъ. Вскорѣ придравшись все къ тому же „сепаратизму“, начальство закрыло и старыя армянскія школы.

Лесевичъ, самъ испытавшій на своей шкурѣ всѣ прелести подобныхъ гоненій у себя на родинѣ, въ Малороссіи, гдѣ основалъ народную школу, прекрасно понималъ наше печальное положеніе и горячо негодовалъ на варварство тогдашняго нашего начальства.

Трудно было тогда существовать и

печати, особенно провинціальной. До
пріѣзда Лесевича въ Тифлисъ
совершено покушеніе на жизнь
одного изъ членовъ нашей редакціи, въ
отместку за помѣщеніе въ газетѣ от-
чета объ одномъ мѣстномъ общест-
венномъ учрежденіи. Прочитавъ объ
этомъ въ газетахъ, Лесевичъ мнѣ пи-
салъ:

„Страшно подумать, до какой степе-
ни трудна еще у насъ та форма об-
щественной службы, которую вы съ
вашимъ братомъ несете! Придетъ вре-
мя, быть можетъ, когда просто-таки не
подъ силу будетъ и представить себѣ
эту картину во всей ея полнотѣ! Съ
одной стороны—цензура, чиновники,
большею частью тушые, трусливые,
чуждые духовныхъ интересовъ; съ
другой—профессіональные и волонте-
ры-шпіоны, доискивающіеся до мате-
ріала для доносовъ въ тѣхъ писаніяхъ,
которыя кругомъ, вдоль и поперекъ,
изрѣзаны уже зубами цензора; съ тре-
тпей—дикіе инстинкты всякихъ про-
хвостовъ, которымъ съ ихъ „моему
нраву не препятствуй!“ нѣтъ удержа;
съ четвертой—читатель, который толь-
ко почитываетъ и или молчитъ,

или, того и гляди, не может переварить прочитанное. Писатель, редакторъ, подъ этимъ перекрестнымъ огнемъ,—еще ли не мученикъ! И если онъ добровольно все же висить и висить на избранномъ имъ крестѣ, то сколь же велика должна быть увѣренность его въ томъ, что мученичество его спасительно, что оно побѣдитъ рано или поздно и скорпионовъ, и гадовъ, и бѣшеныхъ собакъ, и необозримыя стада всякихъ дикихъ тварей! Тамъ, сямъ мелькающія искры въ самомъ дѣлѣ убѣждаютъ страстотерпца, что въ конечномъ итогѣ схваченный имъ бичъ окажется всѣхъ сильнѣе, а пока, пока... что надо переиспытать, что надо перетерпѣть? Отъ колоса до колоса не слышно человѣческаго голоса. Такова еще наша нива убогая. Писатель понялъ писателя,—это еще что? Гдѣ читатель? Гдѣ публика? Я еще ее въ глаза не видѣлъ.

Нелегко жилось и въ столицахъ. Приѣхавъ изъ Петербурга въ Полтавскую губ., лѣтомъ 1900 г., Лесевичъ писалъ мнѣ:

Тяжелыя времена приходится переживать, и особенно тяжело потому,

что ничего нельзя понять! Хотя надъ печатью вмѣсто помѣшаннаго С. поставленъ имъ какъ будто и порядочный человѣкъ, но дѣла не пошли лучше. Новый командиръ печати самъ на какого-то командира оглядывается и въ результатѣ—тотъ же хаосъ. Представьте себѣ, что какой-то цензурный комитетъ—варшавскій, что ли?—словомъ тотъ, черезъ который сюда идутъ иностранныя книги изъ Лейпцига *вернулъ назадъ* выписанныя мною „Сказки, пословицы и пѣсни“. Безобразіе небывалое! Я въ бытность мою въ Петербургѣ, въ апрѣлѣ, лично жаловался кн. Шаховскому: онъ обѣщаль принять мѣры къ разсмотрѣнію вопроса, но на вопросъ,—правильно ли поступилъ комитетъ,—не могъ дать никакого отвѣта. Онъ учтивъ и приличенъ, но толку изъ этого нѣтъ никакого.*)

*) Къ характеристикѣ того времени: Деляновъ, занимавшій 16 л. постъ министра народнаго просвѣщенія и получившій за это графскій титулъ, былъ открытымъ гонителемъ всякаго просвѣщенія. Вотъ что рассказываетъ о немъ г. Антоновичъ (бывшій профессоръ и товар. министра финанс.) въ „Петерб. Вѣд.“:

„Какъ-то я обратился къ нему съ прось-

Пожелаемъ, чтобъ это время утѣ-
 тенія свободной мысли прошло для
 насъ безвозвратно. Тогда жизнь та-
 кихъ преданныхъ наукъ и обществен-
 нымъ интересамъ дѣятелей, какимъ
 былъ Лесевичъ, не будетъ протекать
 незамѣтно и безъ существенной поль-
 зы для массъ.

бой открыть училище въ одномъ изъ очень
 нуждающихся пунктовъ Волынской губ.

— Чего вы такъ хлопочете, сказалъ мнѣ
 покойный министръ. Теперь ваши земля-
 ки счастливы въ своей темнотѣ, а школа
 лишь откроетъ глаза на ихъ бѣдность и
 безотрадное житье. Неужели вамъ такъ
 хочется отнять счастье у земляковъ?“

Это не простая обмолвка, а цѣлая систе-
 ма, которую проводили въ жизнь Побѣдо-
 носцевъ, гр. Д. Толстой, Боголюбовъ и др.

Н. К. Михайловскій.

УДК 135320
101333

Католикось всѣхъ армянъ Мира
въ одной изъ своихъ рѣчей какъ-то сравнилъ нынѣшнихъ публицистовъ съ древними пророками. Первые, какъ онъ выразился, замѣнили вторыхъ. Это замѣчаніе, быть можетъ, ни къ кому изъ русскихъ писателей конца прошлаго столѣтія такъ не относилось, какъ къ Ник. Конст. Михайловскому.

Каждая страна, каждое время имѣетъ своихъ яркихъ выразителей. Въ древности они являлись въ образѣ пророковъ; въ Западной Европѣ, а въ послѣднее время и въ Россіи они выступаютъ въ лицѣ политическихъ ораторовъ; въ прошломъ же столѣтіи въ Россіи созданъ типъ литературнаго критика, который руководитъ общественнымъ мнѣніемъ не по однимъ литературнымъ, но и общественнымъ вопросамъ.

Первымъ выдающимся изъ такихъ критиковъ былъ, какъ извѣстно, Бѣлинскій. Первенство у него одно вре-

мя съ успѣхомъ оспариваль Герцель.
 Но для памфлета и фельетона, ^{еще}
 время не наступило, и Герцель ^{еще}
 шевался. Послѣ Бѣлинскаго, въ 50-хъ
 годахъ, вакансія перваго критика
 оставалась долго незамѣщенной. Это
 была тяжелая пора. Только съ воцареніемъ
 Александра II положеніе литературы
 облегчилось и журналистика
 оживилась. Властителями думъ передовой
 части общества этого періода
 были сначала Чернышевскій и Добролюбовъ,
 а затѣмъ Писаревъ.

Со смертью Писарева въ 1868 г.
 снова образовался пробѣлъ, но очень
 не надолго. Съ переходомъ „Отеч.
 Зап.“ къ Некрасову, вскорѣ послѣ
 возникновенія „Вѣстн. Евр.“ и „Дѣла“,
 на поприще литературной критики
 выступила цѣлая плеяда молодыхъ
 писателей, талантливыхъ и отзывчи-
 выхъ на злобы дня.

Таковы А. М. Скабичевскій („От.
 Зап.“), Н. К. Михайловскій (тоже),
 М. Цебрикова (тоже), Евг. Утинъ
 („Вѣстн. Евр.“), П. Ткачевъ (Дѣло“).

немного позже М. А. Протопоповъ („Отеч. Зап.“). По силѣ анализа и широтѣ образованія между ними первое мѣсто занялъ Н. К. Михайловскій. И съ тѣхъ поръ, въ теченіе почти 25 лѣтъ, не было въ русской печати лица, которое имѣло бы больше вліянія на современное общество, чѣмъ Н. К. Михайловскій, за исключеніемъ только М. Салтыкова (Щедрина) и гр. Л. Н. Толстого. Но слава послѣднихъ создавалась наполовину ихъ художественными произведеніями и ихъ роль, какъ учителей, не была значительнѣе роли Н. К. Михайловскаго.

Въ 80-хъ годахъ большое вліяніе на русское общество имѣли также Н. В. Шелгуновъ и В. С. Соловьевъ, но ихъ проповѣдничество не было столь продолжительно, столь стройно и устойчиво, какъ Михайловскаго.

Въ 1895—98 гг. Михайловскому пришлось вести напряженную и ожесточенную войну съ такъ называемыми марксистами, а немного ранѣе

— съ публицистомъ „Вѣсти, Евр.“ Л. Словимскимъ. Между этими публицистами Михайловскаго была большая разница въ воззрѣнiяхъ, но была и нѣкоторая общность, которая вызывала сочувствiе къ нимъ со стороны значительной части современнаго передоваго русскаго общества. Это—вѣра въ благотворность европейскаго прогресса и неизбежность для Россiи пройти черезъ тѣ же стадiи развитiя, чрезъ которыя проходила Западная Европа. Это была несомнѣнно прогрессивная нотка, если принять во вниманiе возрожденiе въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтiя въ обществѣ и печати славянофильства подъ разными соусами. Во всѣхъ сферахъ дѣятельности повторялась пресловутая фраза: „европейское просвѣщенiе необходимо, но самобытныя условiя нашей культуры,“ и пр. Это теченiе, нѣтъ сомнѣнiя, на много лѣтъ могло затормозить естественный ростъ нашего отечества и не могло не вызывать противодѣйствiя со стороны про-

грессивной печати (М. И. Туганъ-Барановскій, Филипповъ, Струве и др.) Но такъ какъ всякое увлеченіе приводитъ къ вредной односторонности, то и это теченіе создало фаталистовъ, которые, увлекаясь закономерностью европейскаго прогресса, слишкомъ далеко зашли въ отрицаніи роли отдельныхъ лицъ или небольшихъ группъ въ дѣлѣ развитія общества и въ отрицаніи значенія тѣхъ высокихъ альтруистическихъ чувствъ, которыми были проникнуты шестидесятники и семидесятники.

Съ горячимъ протестомъ противъ этихъ одностороннихъ увлеченій, обрѣкавшихъ молодежь на фатализмъ, апатію и эгоизмъ, выступилъ въ 90-хъ гг. Михайловскій и силой своей энергіи и беспощадной логики обрушился на новое теченіе. Это была борьба „народовольческой“ молодежи съ марксистами. Михайловскій отражалъ въ печати, насколько позволяла цензура, народовольческіе идеалы („Герои и толпа“ и пр.). 3—4 года неустанной

борьбы сдѣлали то, что нѣкоторая часть молодежи, увлекавшаяся сизмомъ, вновь вернулась къ завѣтамъ предыдущаго періода. Это была побѣда Михайловскаго. Трудовая группа, народно-соціалистическая группа, социаль-революціонеры, всѣ эти партіи, игравшія, послѣ смерти Михайловскаго, немаловажную роль въ Государственной Думѣ, суть духовныя дѣтища Михайловскаго, Лаврова и ихъ литературныхъ послѣдователей. *)

Въ борьбѣ у Михайловскаго ушло много силъ и труда. Побѣды доставались недешево. Въ послѣдніе два года своей жизни онъ сталъ хворать, писалъ рѣже, былъ апатичнѣе. Но колесо журнальной работы вертится безостановочно, повседневная борьба за идеи не даетъ отдыха труженикамъ печати, и Михайловскій не пе-

---

*) О сношеніяхъ Михайловскаго съ политическими партіями, см. статью г. Русанова въ № 7 журнала „Былое“ за 1907 г. и брошюру Гарденина (Чернова) „Памяти Н. К. Михайловскаго“ (1906 г.)

реставаль работать. Въ разгарѣ работы онъ палъ, стоя на своемъ номъ посту". Онъ умеръ въ январѣ 1904 г., черезъ нѣсколько дней послѣ начала русско-японской войны, не дождавшисъ зари освободительнаго движенія.

Теперь перейду къ своимъ личнымъ воспоминаніямъ о покойномъ писателѣ.

Н. К. Михайловскій, подобно своему товарищу по „Отеч. Зап.“ С. Н. Кривенко, въ 70-хъ гг. пріобрѣлъ участокъ земли на черноморскомъ побережьѣ Кавказа, въ Сухумѣ*), и часто наѣзжалъ сюда. Бывалъ онъ также въ Закавказьѣ (Тифлисъ, Абастуманъ), болѣе же всего посѣщаль кавказскія минеральныя воды. Но я познакомилъ ся съ нимъ не на Кавказѣ. Мнѣ пришлось видѣть его въ Петербургѣ въ 1889 г. На одинъ изъ его журфиксовъ повелъ меня мой университетскій товарищъ, С. Н. Южаковъ.

*) Впоследствии онъ перепродалъ этотъ участокъ, кажется, съ убыткомъ.

Михайловскій былъ остроумнымъ собесѣдникомъ, возбуждалъ вопросы о разныхъ злобахъ дня и поразилъ той чертой, на которую уже обратилъ вниманіе критикъ „Русск. Вѣд.“, — возбужденностью мысли.

Скоро собралось большое общество, все больше сотрудники несуществовавшихъ уже тогда „Отеч. Зап.“, общество разбилось на кружки, и я потерялъ изъ виду Михайловскаго. Здѣсь были Гл. Успенскій, С. Н. Кривенко, В. В. Лесевичъ, В. И. Семевскій, С. Н. Южаковъ и др. Послѣ этого мнѣ еще нѣсколько разъ пришлось провести вечеръ въ кружкѣ Михайловскаго, слушая его оживленную бесѣду, которая касалась то Кавказа, то общаго положенія современной журналистики.

Кружокъ Михайловскаго въ этотъ періодъ переживалъ кризисъ. Это было собраніе неудачниковъ, желчно настроенныхъ и ропчущихъ на все и вся. Немало горькихъ отзывовъ пришлось мнѣ слышать тамъ о кавказцахъ. Кавказскіе знакомые М. въ Петербургѣ,

повидимому, сыграли въ его частной жизни неприятную для него роль. Но повидимому немало горькихъ минутъ пережилъ благодаря своимъ кавказскимъ друзьямъ.

Личное неудовольствіе на отдѣльныхъ лицъ кружокъ переносилъ и на весь край.

Что Кавказъ? говорили они. Кавказцы стояли нѣкогда въ авангардѣ русскаго радикализма. Но теперь, теперь все измѣнилось. Ничѣмъ, рѣшительно ничѣмъ не показываютъ кавказцы своего недовольства нынѣшнимъ режимомъ. Все свидѣтельствуеть о раболѣнствѣ и некультурности кавказцевъ.

Вотъ какія рѣчи мнѣ приходилось выслушивать въ кружкѣ Михайловскаго. Я возражалъ имъ, указывая на экспансивность натуры кавказца, на то, что она не знаетъ середины, что реакціонныя вспышки легко могутъ смѣниться широкимъ народнымъ движеніемъ. И мои слова оправдались въ

послѣдніе годы, когда Михайловскаго уже не было въ живыхъ.

Н. К. Михайловскій въ своихъ статьяхъ не касался инородческаго вопроса въ Россіи, считая его, очевидно, слишкомъ элементарнымъ. Но молчаніе это нѣкоторые его читатели изъ кавказцевъ толковали въ томъ смыслѣ, что М. не придаетъ моль этому вопросу важнаго значенія. Нѣкоторые члены кружка „Отеч. Зап.“ (Елисеевъ, Кривенко) даже высказывались въ этомъ духѣ. Русскій народъ страдаетъ моль слишкомъ жестоко, некогда думать объ инородцахъ (нѣчто подобное просвѣчивало во „Внутр. обозрѣніи“ „Отечеств. Зап.“ 70-хъ годовъ). Вотъ почему непріятно подѣйствовала на меня встрѣча моя на квартирѣ Михайловскаго съ народнымъ драматургомъ Евт. Карповымъ. Онъ, если не ошибаюсь, ранѣе сотрудничалъ въ „Нов. Вр.“ А у Михайловскаго, къ которому онъ былъ вхожъ въ качествѣ репетитора къ его дѣтямъ, дурачился и безъ стѣсненія передразнивалъ евре-

евъ, показывая какъ они, вызывая на драку, вмѣстѣ съ тѣмъ пятятся назадъ. Въ слѣдующій разъ, на одномъ изъ журфиксовъ у Михайловскаго, сынъ послѣдняго, гимназистъ (впоследствии, кажется, актеръ), передразнивалъ „восточныхъ человѣковъ“, читая наизусть очеркъ Салтыкова „Знатные иностранцы“. Впечатлѣніе у меня получилось такое, что кружокъ Михайловскаго, несмотря на весь радикализмъ его, какъ будто состоитъ изъ завзятыхъ фобовъ. Немного позже, читая полемическую статью Михайловскаго о книгѣ П. Б. Струве, я замѣтилъ, что М. подчеркиваетъ незнаніе Струве русскаго языка и нерусское происхожденіе оппонента (это было отмѣчено и въ „Вѣстн. Евр.“). Но впоследствии я убѣдился, что Михайловскій въ дѣйствительности чуждъ всякаго фобства. Указанное замѣчаніе о Струве было не болѣе какъ lapsus linguae. Въ редактируемомъ Михайловскимъ журналѣ „Русское Богатство“ евреи играли выдающуюся роль.

Книжки журнала наполовину состо-
 яли изъ статей евреевъ: Борнфельдъ,
 Голлоса, Діонео, Ратнера, Вафрина
 (Гоцъ) и др. Во время неистовствъ Ве-
 личко на Кавказѣ, въ журналѣ Михай-
 ловскаго раздавались самые сильные
 протесты противъ нихъ (см. статьи Ива-
 новича и В. Вартанянца въ 1899 г.)

Гл. Ив. Успенскій.

Съ Гл. Ив. Успенскимъ я ^{познако-} ~~познако-~~ ^{мился} ~~мился~~ осенью 1889 г., на одномъ ^{изъ} ~~изъ~~ журфиксовъ у Михайловскаго. *)

Къ нему привлекало всѣхъ не только его громкое имя литературный талантъ и заслуги, но и привѣтливое обращеніе со всѣми, умѣніе откликаться на чужое горе, душевная беседа, симпатичное лицо. Его меланхолическіе глаза немного напоминали мнѣ глаза кн. Акакія Церетели, когда онъ, противъ его обыкновенія, не шутить и не острить.

Гл. Успенскій, познакомившись со мной, вспомнилъ Кавказъ, восторгался его населеніемъ, затѣмъ перешель отъ общихъ темъ къ нашимъ общимъ знакомымъ и беседа наша закончилась тѣмъ, что онъ взялъ съ меня слово побывать у него.

Беседа наша возобновилась въ тотъ

*) Успенскій былъ не только единомышленникомъ Михайловскаго, но и приходился ему свойственникомъ (жены ихъ были сестрами).

же вечеръ, за ужиномъ, и я въ пылу откровенности сознался ему, что, несмотря на всѣ его сѣтованія на Петербургъ и вообще города, я бы бытъ удовольствіемъ остаюсь въ столицѣ и никогда бѣ ея не промѣнялъ на деревню. Петербургъ—интеллигенція, можно здѣсь жить и набираться силъ для работы, заключилъ я, а въ деревнѣ очень легко пропасть, не сдѣлавъ никому добра.

Эти слова припомнилъ мнѣ Гл. Успенскій, когда я побывалъ у него, на Васильевскомъ остр.

„Деревня, замѣтилъ онъ, спасетъ насъ. Я ее люблю, потому что на ней зиждется въ Россіи все государство. Крестьянинъ пока не проснется, наша жизнь, жизнь интеллигента не измѣнится. А крестьянинъ проснется, потому что его экономическое положеніе дошло до крайняго состоянія. Ему уже нечѣмъ пропитать себя; утѣшаться ему, что авось Богъ дастъ—уже нельзя. Онъ пересталъ вѣрить въ

высокопарныя слова, онъ сталъ скеп-
тикомъ и его уже не надуешь, не про-
ведешь. Пробужденіе крест'янина
дасть намъ такую же новую жизнь,
какую дала намъ крымская кампанія“.

Немного помолчавъ, Успенскій про-
должалъ: Правительство прекрасно по-
няло силу народа и очень ухаживаетъ
за казаками. Когда я былъ въ Дон-
ской обл., то я обратилъ вниманіе на
подарки начальства: многіе казаки
имѣютъ серебряный приборъ. Ихъ
всячески задабриваютъ. Это началь-
ству пригодится.

На эту тему Успенскій говорилъ
еще долго. Повидимому, это его очень
занимало. Видно было, что ему
сильно желалось вѣрить въ силу на-
рода, но видно было и то, что,
червь сомнѣнія вмѣстѣ съ тѣмъ гры-
зетъ его.

Переходя же къ интеллигенціи, онъ
припоминалъ очень неутѣшительные
факты.

„Литература, говорилъ онъ, исчез-
ла въ столицахъ и перенеслась въ

провинцію. Петербургъ замѣнила Москва. Но она не можетъ похвастаться своими издателями“.

Гл. Успенскій разсказалъ при этомъ о вѣсколькихъ случаяхъ, сильно компрометирующихъ московскіе издательскіе нравы. Одного издателя прогрессивнаго журнала онъ прямо называлъ шулеромъ.

Успенскій былъ экзальтированъ, говорилъ очень много, сыпалъ остроумными анекдотами на разныя злобы дня и мѣткими характеристиками разныхъ общественныхъ дѣятелей. Но несмотря на оживленную рѣчь, на необыкновенную любезность, онъ все же производилъ впечатлѣніе челоуѣка съ болѣзненно-напряженными нервами. Я вышелъ отъ него совершенно разстроеннымъ и мнѣ приходила въ голову зловѣщая мысль: „Нѣтъ, столько волненій, столько горечи не выдержать хрупкому челоуѣческому организму“.

На другой день послѣ этого свиданія, мнѣ пришлось выѣхать въ Мос-

кву и здѣсь преже всего мнѣ попа-
лось въ газетахъ извѣстіе ^{о самоубійствѣ} убійствѣ Ник. Успенскаго, ^{второго} брата Гл. Ив., тоже извѣстнаго
писателя, выступавшаго въ 60-хъ го-
дахъ прошлаго столѣтія въ „Совре-
менникѣ“ съ очерками изъ народной
жизни. Ник. Успенскій былъ неуда-
чникомъ въ полномъ смыслѣ: очень
рано потерялъ талантъ, запилъ, бѣд-
ствовалъ и кончилъ жизнь самымъ
ужаснымъ образомъ. Мнѣ стало страш-
но при мысли о томъ, какое влія-
ніе могло бѣ имѣть это событіе на
болѣзненно-впечатлительнаго Гл. Ив.
И дѣйствительно, послѣ того, въ про-
долженіе 3 лѣтъ, я уже не встрѣчалъ
нигдѣ очерковъ Гл. Успенскаго, за
исключеніемъ двухъ, трехъ, и то от-
рывочныхъ. А затѣмъ пришла печаль-
ная вѣсть о психическомъ разстрой-
ствѣ, постигшемъ этого талантливаго,
безвременно погибшаго писателя.

Къ кавказцамъ Гл. Успенскій о-
носился съ большою симпатіей. Онъ

любилъ не только нашу природу, какъ это замѣтно въ другихъ русскихъ писателяхъ, но и насъ, туземцевъ Кавказа. О нѣкоторыхъ его произведеніяхъ, посвященныхъ Кавказу, я уже упомянулъ въ первой книгѣ своихъ „Характеристикъ и воспоминаній“ (см. очеркъ „Русскіе писатели на Кавказѣ“, стр. 205 и 206). И не безъ основанія тогда же я высказалъ сожалѣніе, что авторъ слишкомъ мало остановился на кавказцахъ-туземцахъ. Онъ больше говоритъ о русскихъ сектантахъ, поселившихся на Кавказѣ, и особенно о тѣхъ пріѣзжихъ хищникахъ, которые наводнили Сѣверный Кавказъ съ развитіемъ желѣзнодорожнаго и пароходнаго сообщенія и съ воцареніемъ тамъ рубля *).

---

*) См. подробнѣе „Нов. Обозр.“ 1902 г., № 6011, статью Э.: „Глѣбъ Успенскій о Кавказѣ“.

Кн. Ил. Г. Чавчавадзе.

О знаменитомъ грузинскомъ писателѣ и общественномъ дѣятелѣ И. Г. Чавчавадзе я много писалъ въ прежніе годы, но въ настоящей книгѣ я не предполагалъ говорить о немъ. Только трагическая смерть его, случившаяся во время печатанія настоящей книги, побудила меня набросать его краткую характеристику.

Заслуги И. Чавчавадзе передъ грузинскимъ обществомъ одними слишкомъ возвеличивались, другими сводились къ нулю. Такая крупная величина, какою былъ покойный и такая страстная дѣятельность, какою онъ отличался, всегда, впрочемъ, одновременно порождаютъ неумѣренныхъ апологистовъ и ярыхъ враговъ. Теперь, послѣ смерти, критика, вѣроятно, будетъ спокойнѣе и сумѣетъ дать ему надлежащее мѣсто въ исторіи культурнаго развитія нашего края.

Главная заслуга И. Чавчавадзе, по мнѣнію пишущаго эти строки, выра-

зилась въ его дѣятельности, какъ поэта и беллетриста. Правда, поэтъ, онъ находился подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ Некрасова и Баратова („ქართლის ბუღი“), а какъ беллетристъ, подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ Гоголя („Старосвѣтскіе помѣщики“), Григоровича и позднѣйшихъ русскихъ беллетристовъ-народниковъ. Но Чавчавадзе все же былъ очень талантливый и поэтъ, и беллетристъ. Его произведенія имѣли крупный успѣхъ въ обществѣ и до сихъ поръ съ увлеченіемъ читаются всеми лучшими цѣнителями грузинской литературы. Правда, то реальное и демократическое направленіе въ груз. литературѣ, выразителемъ котораго является И. Чавчавадзе, пробивалось у грузинъ и ранѣе (см. произведенія Чонкадзе, Ардазіани и др.), но И. Чавчавадзе былъ наиболѣе полнымъ выразителемъ этого направленія и справедливо считается главой новой школы въ груз. литературѣ.

Литературные противники и даже

иные нейтральные критики (къ числу послѣднихъ причисляю и себя) упресли Чавчавадзе въ тяжеловѣсности формы, въ которую онъ облакалъ свои стихотворенія (см. мой „Альманахъ“, 1879 г.). Но эти упрески онъ скоро разсѣялъ позднѣйшими поэмами. Первые страницы поэмы „Царь Дмитрій Самоотверженный“ и вся поэма „Отшельникъ“ написаны такими легкими, красивыми стихами, что невольно преклоняешься передъ божественнымъ поэтическимъ даромъ ихъ автора *).

Ил. Чавчавадзе, какъ журналистъ, мнѣ представляется тоже очень выдающимся, но не въ такой степени, какъ поэтъ и беллетристъ. Правда, его журналъ „Сакартвелосъ Моамбе“ („Вѣстникъ Грузіи“) оставилъ глубо-

*) Лицамъ, интересующимся грузинской литературой, слѣдовало бы обратить вниманіе на фельетоны Г. Майшвили о поэтич. произведеніяхъ Чавчавадзе въ старыхъ №№-рахъ „Нов. Обозр.“ (1892 г., №№ 2896, 2897 и 2902).

кій слѣдъ въ исторіи грузинской журналистики. Это былъ первый грузинскій журналъ съ рѣшительнымъ и прогрессивнымъ направлениемъ и вся передовая грузинская молодежь группировалась вокругъ этого журнала. Но нельзя забыть, что журналъ Чавчавадзе, несмотря на быстрый успѣхъ въ обществѣ, просуществовалъ только одинъ годъ. Роль боевого органа грузинской молодежи спустя 2 года приняла на себя газета „Дрозба“, которая вмѣстѣ съ народившимися впоследствии журналами „Мнатоби“, „Кребули“ и др., очень долго несла на своихъ плечахъ тяжелый трудъ пробужденія общества отъ вѣкового сна. „Иверія“ И. Чавчавадзе, появившаяся позже (1877 г.), сначала въ видѣ еженедѣльнаго, а затѣмъ ежемѣсячнаго и трехмѣсячнаго журнала, въ виду ея тяжеловѣсности и нѣкоторой архаичности, не имѣла большого успѣха. Лишь съ закрытіемъ газ. „Дрозба“, „Иверія“ преобразилась въ ежедневную газету, которая въ теченіи

ниѣ 10 лѣтъ была чуть не единственнымъ періодическимъ органомъ на груз. яз. И. Чавчавадзе, много труда и денегъ положилъ на это изданіе, но газета, по тѣмъ же причинамъ, какъ и ранѣе, не имѣла успѣха въ обществѣ.

Въ своихъ изданіяхъ И. Чавчавадзе выступалъ въ роли критика и публициста. Какъ критикъ устарѣвшаго журнала „Цискари“ Ч. былъ рѣзокъ и неумолимъ; его сатира была бичующая. Но, какъ публицистъ, Ч. не производилъ впечатлѣнія. Онъ бывалъ многословенъ, риториченъ, а, главное, архаиченъ, если можно такъ выразиться. Его защита обычая, устоевъ старой грузинской жизни производила впечатлѣніе реакціонныхъ тенденцій. Прогрессистъ, ранѣе бичевавшій, въ лучшихъ своихъ поэтическихъ и беллетрист. произведеніяхъ, старый крѣпостнической строй, какъ будто теперь превратился въ апологиста старины. Этотъ поворотъ въ направленіи И. Чавчавадзе прикрывался нѣ-

которымъ туманомъ. Ясный языкъ острая сатира были замѣнены плавчатыми разсужденіями и туманною философіей. Я ужъ не говорю о томъ періодѣ публицистической дѣятельности И. Чавчавадзе, когда онъ подпалъ подъ вліяніе Величко и когда онъ свой узкій патріотизмъ хотѣлъ вооружить еще наукой. По моему мнѣнію, это печальнѣйшая страница въ публицистической дѣятельности И. Чавчавадзе, такъ какъ она могла разжечь національную рознь между двумя народами-сосѣдями, грузинами и армянами. Говорю „могла“, такъ какъ въ дѣйствительности попытка И. Чавчавадзе имѣла успѣхъ только въ тѣсномъ кругу его слѣпыхъ поклонниковъ и, къ счастью, не вышла за предѣлы его *).

*) Говоря о данной полосѣ дѣятельности Чавчавадзе, я далекъ отъ мысли винить въ этой розни однихъ грузинъ. Къ сожалѣнію, и у армянъ были дѣятели, которые своими безтактными выходками укрѣпляли армянофобское теченіе среди грузинъ.

Чавчавадзе, какъ извѣстно, былъ не только писателемъ и журналистомъ, но и очень выдающимся собственнымъ дѣятелемъ. Онъ былъ основателемъ и главой тифлискаго дворянскаго земельного банка. Но было бы ошибкой считать это учрежденіе исключительно дѣтищемъ Чавчавадзе. Надъ идеею учрежденія у насъ земельныхъ банковъ работала вся передовая грузинская молодежь того времени. Много лѣтъ, почти до конца жизни, Ч. оставался во главѣ названнаго банка. Но это не значить, что онъ былъ незамѣнимъ. Можетъ быть, въ средѣ литераторовъ не нашлось бы болѣе корректнаго и способнаго руководителя. Вѣроятно, его антогонисты, въ родѣ И. Мачабели, Ак. Церетели и др., были бы не столь подходящи къ этой роли. Но утверждать, какъ это дѣлали нѣкоторые неумѣренныя сторонники И. Чавчавадзе, что послѣдній будто незамѣнимъ, было несомнѣнной натяжкой. Это значило оскорблять грузинское

общество. Любой ловитый судья или образованный коммерсантъ при желаніи, безъ большого труда приспособиться къ роли главы банка, какъ приспособился къ ней поэтъ И. Чавчавадзе. Двор. земельный банкъ въ Тифлисѣ имѣлъ успѣхъ, не исключительно потому, что во главѣ его стояли способные люди, а потому что до того у насъ не существовало никакой другой формы кредита, кромѣ ростовщической, и всякій банкъ, руководимый сколько-нибудь честно и правильно, долженъ былъ имѣть успѣхъ. Успѣшно вели свои дѣла у насъ и другіе банки, возникшіе почти одновременно съ вышеназваннымъ: михайловскій земельный банкъ въ Кутаисѣ, коммерч. банкъ въ Тифлисѣ, общества взаимнаго кредита въ Тифлисѣ, Кутаисѣ и пр.

Чавчавадзе на банковскихъ и другихъ общественныхъ собраніяхъ нерѣдко выступалъ ораторомъ. Его рѣчи отличались всѣми достоинствами и недостатками его литературныхъ

произведеній. Онъ бывалъ неподр-
 жаемъ, когда сыпалъ поэтическими
 образами, анекдотами, каламбурами и
 саркастическими замѣчаніями, но бы-
 валъ довольно скученъ и односторо-
 ненъ, когда вдавался въ дѣловыя су-
 жденія.

Изъ общественныхъ учрежденій ему
 наиболѣе близко было общество рас-
 пространенія грамотности среди гру-
 зинъ, гдѣ онъ долго состоялъ пред-
 сѣдателемъ правленія. Но ошибаются
 апологисты его, когда утверждаютъ,
 что онъ былъ главнымъ основателемъ
 этого общества. Его основателями и
 вдохновителями долго были Я. С. Го-
 гебашвили, Н. З. Цхветадзе и Д. И.
 Кипіани.

Трагическая смерть И. Чавчавадзе
 (убійство и ограбленіе его по дорогѣ
 изъ Тифлиса въ имѣніе его жены,
 Сагурамо, душетскаго уѣзда) вызвала
 много толковъ въ обществѣ и печати.
 Нѣкоторые подозрѣвали въ убійствѣ
 политическую подкладку, хотя Ч. въ
 послѣдніе нѣсколько лѣтъ совсѣмъ

стушеввался и не игралъ никакой роли. Онъ произнесъ въ дворянскомъ собраніи въ 1905 г. рѣчь объ автономіи Грузіи, немного полемизировалъ съ социаль-демократами. Но въ послѣдніе годы онъ хранилъ полное молчаніе и не высказывался даже въ государственномъ совѣтѣ, куда онъ былъ избранъ членомъ отъ дворянства. Другіе предполагаютъ, что убійство совершено на аграрной почвѣ. Незадолго до того былъ убитъ управляющій имѣніями кн. Чавчавадзе и, по слухамъ, недорозумѣнія съ крестьянами возникали и у самаго И. Чавчавадзе. Сколько тутъ правды—трудно сказать. Быть можетъ, судъ выяснитъ все это.

Заканчивая эту краткую характеристику знаменитаго грузинскаго поэта и общественнаго дѣятеля, скажу два слова и о личныхъ отношеніяхъ своихъ къ нему. Я былъ слишкомъ молодъ, чтобы близко знать его въ первый, лучшій періодъ его дѣятельности—когда онъ былъ попреимуществу поэтомъ

и беллетристомъ. Познакомился
 нимъ въ 1875 г., когда, вскорѣ
 окончанія курса въ университетѣ, я
 пріѣхалъ въ Тифлисъ и принялъ участіе
 въ грузинскихъ литерат. кружкахъ.
 Я тогда вынесъ впечатлѣніе, что И.
 Чавчавадзе—баловень судьбы и что
 малѣйшее противорѣчіе сильно оскор-
 бляетъ его. Когда (въ 1879 г.) въ сво-
 емъ грузинскомъ сборникѣ „Альма-
 нахъ“ я попытался указать слабыя и
 сильныя стороны литературной дѣя-
 тельности Чавчавадзе, послѣдній вмѣ-
 стѣ со своими сотрудниками обруши-
 лись на меня за такую продерзость.
 Я тоже не остался въ долгу у него и
 отвѣчалъ въ „Дрозда“. Но это не ис-
 портило нашихъ личныхъ отношеній.
 Позже, въ 1892—96 гг., когда шла
 обостренная борьба между Чавчавадзе
 и мачабелистами въ банкѣ, я болѣе
 сочувствовалъ первому, чѣмъ вторымъ,
 потому что въ дѣятельности Чавча-
 вадзе видѣлъ болѣе идейности и про-
 грессивнаго направленія. Но когда
 полемика между партіями достигла

такой обостренности, что обѣ стороны стали неразборчивы въ средствахъ борьбы, и еще позже, когда Чавчавадзе со своими сторонниками оказался вдругъ въ лагерѣ Величко, — я счелъ своимъ долгомъ отказаться отъ всякой солидарности съ ними. Тогда Чавчавадзе въ порывѣ гнѣва не жалѣлъ ядовитыхъ стрѣлъ для меня. Но, какъ и прежде, я старался не портить своихъ личныхъ отношеній къ нему. До конца жизни я воздерживался отъ рѣзкой критики, хорошо помня его крупныя заслуги въ литературѣ и всегда забывая его личные недостатки. И въ настоящемъ очеркѣ я старался быть возможно объективнѣе. Вслѣдствіе этого, нужно думать, что онъ одинаково не удовлетворитъ ни поклонниковъ поэта, ни его противниковъ.

Въ заключеніе приведу небольшую замѣтку свою: „Какъ я полюбилъ грузинскую литературу“, напечатанную

въ № „Закавк.“, посвященномъ памяти И. Г. Чавчавадзе и вышедшемъ въ день его похоронъ:

То, что я хочу рассказать, было 44 года назадъ. То время лучше помню, чѣмъ то, что было 4 года назадъ. Это всегда такъ бываетъ: впечатлѣнія дѣтства сохраняются дольше.

Я говорю о 1863 годѣ, когда сталъ выходить журналъ Ил. Гр. Чавчавадзе „Грузинскій Вѣстникъ“ („საქართველოს ვესტიკი“). Это было время всеобщаго оживленія. Это было время большихъ надеждъ. Шестидесятники—реалисты и матеріалисты въ принципъ—въ дѣйствительности будили лучшія человѣческія чувства. Даже я, мальчикъ 8 лѣтъ, заинтересовался журналомъ. Изъ журнала Чавчавадзе я впервые узналъ о существованіи Бѣлинскаго и Добролюбова, Прудона и Бастіа. Но они для меня были малопонятны, и мои симпатіи болѣе другихъ привлекали Викт. Гюго (печатался его романъ „Несчастные“) и самъ редакторъ. Здѣсь впервые появились повѣсти Чавчава-

дзе „Разсказъ нищаго“ и „Кація-адаміани“, его лучшія стихотворенія, про-
никнутыя гражданскою скорбью, его
„Како“ и его критико-юмористическіе
фельетоны „Бесѣда Спиридона и
Тадеоза“. Въ поэтическихъ и белле-
тристическихъ вещицахъ Чавчавадзе
было много идеализма, много по-
этического воодушевленія, и моя дѣт-
ская душа не могла не увлекаться
ими. Я страстно полюбилъ грузинскую
литературу и даже самъ сдѣлался
поэтомъ. Я сталъ составлять руко-
писный журналъ на грузинскомъ язы-
кѣ и головой погрузился въ чтеніе
грузинскихъ книжекъ.

✓ Журналъ Чавчавадзе сгруппировалъ
вокругъ себя весь цвѣтъ грузинской
передовой интеллигенціи. Въ немъ
писали Георг. Эристовъ, помѣстившій
свою поэму „Помѣшанная“ и переводъ
„Горя отъ ума“, Дм. Кишіани („Не-
бесныя свѣтила Митчеля“), Гр. Орбе-
ліани („ლოთუბრი მუხამბაზი“), Сулх. Ба-
ратовъ („Исторія Грузіи“), М. Кишіани
(перев. „Героя нашего времени“ Лер-

монтова), Дав. Кипіави (впослѣдствіи
учредитель лучшаго пансіона въ Грѣ-
лисѣ), Георг. Церетели, Лев. Джанде-
ри, Ил. Серебряковъ, Н. Гогобери-
дзе, Петръ Накашидзе, Г. Чиковани и
др. Порывался писать въ журналъ и
мой отецъ. большой любитель грузин-
ской поэзіи. Но ему это не удалось,
такъ какъ онъ слишкомъ былъ за-
нятъ подготовительными работами по
крестьянской реформѣ. Ему удалось
отдать въ редакцію только имѣвшіяся
у него стихотворенія грузинскихъ
классиковъ Н. Бараташвили, Ал. Чав-
чавадзе и Гр. Орбелиани. Это были
чуть не единственные тогда полные
списки, и ими охотно воспользовался
И. Чавчавадзе для своего молодого
журнала.

Я помню, съ какимъ сердцебіеніемъ
я ждалъ визита И. Чавчавадзе къ мое-
му отцу. Сквозь щелку двери я под-
смотрѣлъ, какъ онъ, надѣвъ крылат-
ку, выходилъ отъ насъ. Мнѣ казалось,
что на его лицѣ я замѣтилъ печать

божественнаго вдохновенія, и я этого лица съ тѣхъ поръ не забывалъ.

Послѣ этого я познакомился съ русскою поэзіею. Зачитывался Лермонтовымъ, Пушкинымъ, Гоголемъ. Увлекался міровыми гевіями—Шекспиромъ, Байрономъ, Шиллеромъ и др. Но въ то же время остался я вѣренъ своей первой любви. Я жадно слѣдилъ за всѣмъ, что появлялось на грузинскомъ языкѣ, я жадно глоталъ всякую литературную новинку.

✓ Въ 1871 г., когда появилась первая книжка „Кребули“, я былъ въ седьмомъ классѣ гимназіи. Я уже не удовлетворялся одною поэзіею. Съ большимъ интересомъ читалъ я Добролюбова, Писарева, Чернышевскаго, но это не охлаждало меня къ грузинскому чтенію. Въ „Кребули“, какъ ранѣе въ „Сакартвелосъ Моамбе“ („Груз. Вѣстн.“), сгруппировались лучшіе грузинскіе писатели, и центральное мѣсто среди нихъ снова занялъ Ил. Чавчавадзе. Здѣсь печатались его „Письма туриста“, поэма „Призракъ“, „Раз-

сказъ нищаго“ (въ полномъ объемѣ), „Како“ (тоже) и пр. Я снова принялся за составленіе грузинскаго рукописнаго журнала. А затѣмъ мои первыя статьи, которымъ удалось видѣть себя въ печати, были на грузинскомъ языкѣ (въ газетѣ „Дрозба“).

И я въ данномъ случаѣ не былъ въ исключительномъ положеніи. Произведеніями Ил. Чавчавадзе зачитывалось тогда все грузинское общество. Молодежь обожала его. Онъ научилъ любить грузинскую литературу, ту литературу, которая передъ его появленіемъ, можно сказать, пребывала въ летаргическомъ снѣ. Если отдѣльные талантливые представители ея до того возбуждали въ комъ-нибудь восторгъ, то только въ тѣсномъ кругу немногочисленныхъ читателей. Широкое же общественное значеніе грузинская журналистика и литература получили у грузинъ только послѣ появленія „Сакартвелосъ Моамбе“. Имя Чавчавадзе, какъ будильника грузинской мысли и гражданскихъ чувствъ, никогда не ум-

реть. Свѣтлый образъ его останется
 навсегда памятнымъ всему народу и
 роги культурные интересы — на
 края.

Изъ копилки провинціального
журналиста.

Экз. № 1000
Спб. 1880

Казалось бы такъ много курьезовъ уже рассказано о привиженномъ состояніи нашей провинціальной прессы что ничего новаго болѣе вельзя сказать. Мы, провинціальные журналисты, привыкли твердить себѣ при самыхъ возмутительныхъ случаяхъ нашего безправія: *nil admirari!* И тѣмъ не менѣе то, что я извлекаю теперь изъ своей копилки курьезовъ, какъ мнѣ кажется, способно удивить и тѣхъ, кто привыкъ ничему не удивляться.

Несмотря на крайнюю суровость предварительной цензуры, тщательно вытравлявшей изъ провинціальной печати все, что носило на себѣ печать свободной мысли, находилась еще другая, добровольческая цензура, которая не довольствовалась этимъ и прибѣгала еще къ мѣрамъ карательнымъ. Силошь и рядомъ газеты и журвалы приостанавливались на продолжительное время, а редакторы ихъ

подвергались крупнымъ штрафамъ или
 тюремному заключенію, а иногда и
 тому и другому вмѣстѣ. И
 чалось не только когда не бывало ни
 малѣйшихъ признаковъ политической
 или общегражданской провинности
 со стороны редакторовъ, а, напротивъ,
 когда въ наличности бывало только
 простое исполненіе послѣдними са-
 мыхъ элементарныхъ своихъ обязан-
 ностей.

Дѣйствіе въ разсказываемомъ слу-
 чаѣ происходитъ на Кавказѣ, еще тог-
 да, когда кругомъ царила тишь да гладь,
 когда не было ни малѣйшаго предлога
 прибѣгать къ экстраординарнымъ суро-
 вымъ репрессіямъ.

Распоряженіемъ бывшего главнона-
 чальствующаго гражданской частью
 на Кавказѣ кв. Г. С. Голинына, отъ
 16 ноября 1899 года, было приоста-
 новлено изданіе редактировавшейся
 мною, вмѣстѣ съ братомъ, ежедневной
 газеты „Новое Обозрѣніе“ на восемь
 мѣсяцевъ. Спустя три года по возо-
 бновеніи газеты, въ ноябрѣ 1903 го-

да, опять передъ подпиской, было
 приостановлено изданіе той же газе-
 ты на два мѣсяца. Мотивы, по ко-
 рымъ принимались эти суровыя мѣры,
 приведшія газету къ разоренію и не-
 возможности писать о чемъ-бы то ни
 было, до того курьезны, что можно
 подумать, что они заимствованы изъ
 какого-нибудь юмористическаго жур-
 нала.

Приводимъ здѣсь дословно докладъ
 бывшей канцеляріи главноначальству-
 ющаго гражданской частью на Кавка-
 зѣ, на основаніи котораго было пер-
 вый разъ приостановлено изданіе:

„Выходящая въ Тифлисѣ ежеднев-
 ная газета „Новое Обозрѣніе“ съ са-
 маго начала своего изданія (съ 1883
 года) отличается крайне вреднымъ
 направленіемъ. Начертавъ своей про-
 граммой—служить спеціальнымъ инте-
 ресамъ каждой изъ населяющихъ Кав-
 казскій край народностей, и утверж-
 дая, что каждая изъ нихъ заинте-
 ресована въ развитіи мѣстнаго само-
 управленія (передовая новогодняя ста-

187

тъя въ № 4809 „Нов. Обзор.“, 1898 г.), названная газета слѣдуетъ этой сепаратистической (!) программѣ самую строгою послѣдовательностью. Излюбленными ея темами служатъ вопросы о введеніи въ здѣшнемъ краѣ земскихъ учреждений и суда присяжныхъ объ открытіи въ Закавказьѣ, и непременно, въ Тифлисѣ—главномъ средоточіи туземной интеллигенціи и армянской плутократіи—высшаго учебнаго заведенія, словомъ все то, что такъ или иначе можетъ служить развитію и осуществленію сепаратистическихъ идей. Слѣдуя этому направленію, редакція „Новаго Обозрѣнія“ вообще подбираетъ матеріаль для своей газеты съ крайней тенденціозностью, не останавливаясь и передъ недобросовѣстною подтасовкой фактовъ. Все то, что можетъ въ глазахъ неосвѣдомленныхъ читателей сколько-нибудь ронять достоинство русскаго народа и русскаго имени, умалять значеніе русской культуры, подрывать престижъ правительственной власти,

188

газетою старательно отмѣчается, то-
гда какъ относящiеся до всего этого
факты противоположнаго свойства
замалчиваются, а вмѣсто того выставляются въ выгодномъ освѣщенiи факты изъ жизни и дѣятельности западно-европейскихъ народностей и государствъ, ихъ правительствъ, либеральныхъ учреждений и выдающихся государственныхъ дѣятелей. Эта тактика ведется въ „Новомъ Обозрѣнiи“ настолько искусно, что статьи и даже цѣлые номера, отдѣльно взятые, большею частью не производятъ того впечатлѣнiя, какое получается отъ общей ихъ совокупности, при постоянномъ чтенiи газеты. Такъ, напримеръ, статьи и замѣтки изъ судебной хроники въ отдѣльности не представляютъ собою ничего недозволеннаго цензурою, но въ общемъ направленiи этой хроники, въ подборѣ для нея матерiала, замѣтно проглядываетъ тенденцiя набросить тѣнь на представителей русской администрацiи и суда и русской народности. Въ силу

этой тактики „Нов. Обозрѣнія“ представляется затруднительнымъ привести здѣсь примѣръ въ доказательство вреднаго направленія газеты, да и того пришлось бы слишкомъ много распространяться. Но нельзя не указать въ ней и на такія статьи, которыя сами по себѣ въ отдѣльности достаточно характеризуютъ вредное направленіе газеты. Нѣкоторыя изъ подобныхъ статей взяты на выдержку за послѣдніе два года; изъ этихъ статей обращаютъ на себя особенное вниманіе слѣдующія, за минувш. и тек. мѣсяцы:

„Въ № 5425 голословно сообщалось, что въ предѣлахъ Елисаветпольской губерніи появились разбойники. Это сообщеніе, какъ вышѣ оказывается изъ истребованнаго по приказанію Вашего Сіятельства объясненія редактора „Новаго Обозрѣнія“, было сдѣлано редакціей безъ провѣрки и лишь нынѣ, по полученнымъ ею дополнительнымъ свѣдѣніямъ, оно подтверждается случаями разбойничьихъ грабежей и убійствъ. Но эти случаи, какъ еди-

ничные, не могли служить ^{основани-}емъ для приведеннаго сообщенія газетъ, которое могло вызвать ^{написку} въ населеніи.

„Въ №№ 5421, 5428 и 5435, по поводу устроеннаго 24 минувшаго октября туземною интеллигенціею торжества освященія памятника на могилѣ Д. Кипіани, газета, съ одной стороны, восхваляетъ память и общественную дѣятельность этого Кипіани, бывшаго въ дѣйствительности (какъ это было всѣмъ извѣстно) настолько вреднымъ открытымъ дѣятелемъ-сепаратистомъ, что правительство было вынуждено въ 1880 г. подвергнуть его административной высылкѣ изъ края подъ надзоръ полиціи, несмотря на то, что онъ занималъ тогда постъ кутаисскаго губернскаго предводителя дворянства, съ другой стороны, газета ожесточенно нападаетъ за уклоненіе отъ упомянутаго неумѣстнаго торжества на мѣстнаго грузинскаго литератора и поэта кн. И. Чавчавадзе, когда-то бывшаго солидарнымъ съ подобными

101
191
Кишіани дѣятелями, но нынѣ отрез-
вившагося.

„Въ №№ 5414 и 5433 въ *Добрый бе-*
сѣды автора съ простодушнымъ рус-
скимъ крестьяниномъ, рассказываю-
щимъ ему о своемъ міровоззрѣніи, о
своихъ странствованіяхъ по монасты-
рямъ и стремленіи къ монастырскому
уединенію, проглядываетъ глумленіе
автора надъ чистою вѣрою простого
русского народа и желаніе набросить
тѣнь на всѣ русскіе монастыри; при
этомъ допускается крайне неумѣстный
тѣнь по отношенію къ св. мощамъ и
другимъ святынямъ.

„Въ № 5411. въ фельетонѣ, рисуя
мрачную картину „бѣдствія населе-
нія“ въ краѣ, вслѣдствіе недорода
хлѣбовъ и травъ и гибели скота отъ
чумы, авторъ (Ивановичъ*)—псев-
донимъ) единственное спасеніе отъ
этихъ „бѣдствій“ видитъ лишь въ зем-
скомъ самоуправленіи, и за неимѣ-

*) Псевдонимъ извѣстнаго писателя-на-
родника, сотрудника столичныхъ журна-
ловъ, И. И. Свѣднцова. *А. т.*

ніемъ его здѣсь—все: надежды возлагаетъ на общество сельскаго хозяйства, совершенно умалчивая о какой-либо возможности помощи населенію со стороны правительства, которое въ дѣйствительности и принимаетъ уже мѣры къ оказанію помощи пострадавшему отъ недорода и падежа скота населенію.

„Въ томъ же фельетонѣ Ивановича далѣе выражается сѣтованіе на бездѣйствіе дворянской депутаціи по дѣлу о введеніи въ краѣ земскихъ учрежденій, а еще далѣе авторъ выступилъ съ банальною выходкою противъ всего мѣстнаго чиновничества, которое огульно осмѣивается, обвиняется въ корыстныхъ вождельніяхъ, и вся его служебная дѣятельность выставляется совершенно безрезультатною и бесполезною.

„По поводу изложеннаго нельзя не замѣтить, что въ здѣшнемъ краѣ, съ его многоплеменнымъ и разновѣрнымъ населеніемъ, пресса, при ея несомнѣнномъ вліяніи, должна бы служить

надежнымъ орудіемъ правительства въ его цѣляхъ обрусенія и объединенія окраины съ остальною Имперіей. Между тѣмъ, „Новое Обозрѣніе“ явно стремится парализовать и безъ того крайне затруднительную дѣятельность правительства. Въ этомъ отношеніи, подорвать довѣріе къ нему въ глазахъ населенія, вызвать въ послѣднемъ стремленія въ направленіи узко-національномъ и сепаратистическомъ, т. е. совершенно противоположномъ усиліямъ правительства и это вредное направленіе газеты въ особенности сказалось въ приведенномъ выше рядѣ статей.

„Представляя о всемъ вышеизложенномъ на благоусмотрѣніе Вашего Сіятельства, Канцелярія полагала бы внести на обсужденіе Совѣта Главнoначальствующаго вопросъ о пріостановленіи изданія газеты „Новое Обозрѣніе“ на срокъ, какой на основаніи п. 7 Высоч. утвержд. 28 апрѣля 1898 г. полож. Комит. Минист. Ва-

шему Сіятельству благоугодно будетъ
назначить“.

Итакъ, пожеланіе имѣть ^{высшее} учебное заведеніе въ Тифлисъ—центръ всего края, хотя бы тѣнь мѣстнаго самоуправленія, въ видѣ земск. учреждений по положенію 1890 г., и судъ присяжныхъ—признавалось кавказскою администраціею до того преступнымъ, что изданіе, выражавшее эти пожеланія съ дозволенія цензуры, было признано сепаратистическимъ, и по отношенію къ нему была принята мѣра, равносильная полному закрытію его. Это ли не верхъ мракобѣсія.

Закрытіе „Новаго Обозрѣнія“ имѣло особенное значеніе въ то время, такъ какъ изданіе новыхъ газетъ никому не разрѣшалось, а прежнія были исключительно официальные или офиціозныя, или листки, преслѣдовавшіе только коммерческія цѣли. Такимъ образомъ все Закавказье оставалось безъ независимаго органа на русскомъ языкѣ.

Во второй разъ изданіе „Новаго Обозрѣнія“ было приостановлено въ слѣдствіе будто бы напечатанія въ немъ отчета о судебномъ процессѣ, подлежащемъ опубликованію. Дѣло касалось обвиненія офицера въ убійствѣ безоружнаго обывателя по пустому поводу, и рассматривалось при закрытыхъ дверяхъ. Газета передала лишь содержаніе обвинительнаго акта и приговоръ. Но дѣйствительной причиной былъ не этотъ невинный эпизодъ, а, какъ утверждали въ обществѣ, то обстоятельство, что по поводу покушенія на жизнь главноначальствующаго газета ограничилась сообщеніемъ краткихъ, сухихъ отчетовъ, не снабдивъ ихъ громоздкими статьями по адресу преступниковъ, павшихъ во вѣсть этого покушенія. Какъ изъ этого случая, такъ и изъ вышеприведеннаго доклада можно усмотрѣть, что газета наказывалась не только за то, что она писала, но и за молчаніе въ извѣстныхъ случаяхъ.

Мѣстная администрація не ограничивалась обычными цензурными цензурными и пріостановкой издаванія и пріостановкой издаванія очень часто прибѣгала также къ судебному преслѣдованію. Изъ многочисленныхъ судебныхъ процессовъ, которые велись противъ редактировавшейся мною газеты, мнѣ припоминается два очень характерныхъ случая.

По какимъ простымъ поводамъ возбуждались дѣла противъ „Новаго Обозрѣнія“ можно судить по слѣдующему процессу. Въ 1891 г. въ горійскомъ уѣздѣ, Тифлисской губерніи, участились грабежи; штатъ полиціи былъ очень ограниченъ и уѣздный начальникъ Гансевичъ оказался совершенно безсильнымъ въ борьбѣ съ разбойниками. Газета заговорила объ этомъ печальномъ явленіи и уѣздный начальникъ долженъ былъ бы радоваться этому. Газетныя замѣтки помогли бы уѣздному начальнику хлопотать передъ высшимъ начальствомъ объ усиленіи въ уѣздѣ полицейской

стражи и вызвать сочувствіе къ его положенію и поддержку со стороны населенія. Но не так посматрѣлъ на дѣло Гансевичъ. Онъ усмотрѣлъ въ корреспонденціяхъ только диффамацию и такъ какъ при обвиненіи въ диффамации принимаются отъ редактора только письменныя доказательства, то Гансевичъ былъ убѣжденъ, что редакторъ будетъ сильно наказанъ. Но обвиненіе было настолько лишено всякаго смысла, что даже товарищъ прокурора почти вовсе отказался отъ него.

Характеренъ слѣдующій діалогъ, имѣвшій мѣсто въ тифлисской судебной палатѣ, по этому дѣлу:

Тов. прокур. (обращаясь къ Гансевичу). „Что собственно вы находите оскорбительнаго въ тѣхъ сообщеніяхъ, на которыя вы указываете въ своихъ жалобахъ? Начнемъ съ первой жалобы. Находите ли вы что-нибудь оскорбительное для васъ въ сообщеніи о томъ, что разбойники дѣйствовали нахально и безцеремонно?

Гансевичъ. Да.

Но спустя нѣсколько минутъ Гансевичъ на вопросы защитника Подсудимаго (редактора) сдѣлать признание, опровергающее это заявленіе его.

Защитникъ. Была ли дѣйствительно безпомощна горійская уѣздная полиція въ поимкѣ разбойниковъ, не располагая достаточными къ тому средствами?

Гансевичъ. У меня было мало людей.

Тов. прок. По третьей жалобѣ вы считаете оскорбительнымъ для себя сообщеніе газеты, что управленіе горійскимъ уѣздомъ поручается другому лицу.

Гансевичъ. Я состою уѣзднымъ начальникомъ, а газета посадила другого на мое мѣсто. Какъ же могли относиться ко мнѣ подчиненные? Они могли толковать, что меня хотятъ за что-нибудь отставить.

Тов. прок. Вы теперь, кажется, получили другую должность?

Гансевичъ. Да. Приказа я еще не получилъ.

Тов. прок. Значить слухъ все же имѣль основаніе?

Гансевичъ. Въ газетѣ узнавалъ Степановъ.

Тов. прок. Все равно—Степановъ или Ивановъ *).

Но далеко не всегда такъ благополучно оканчивалось дѣло. Судьи оказывались иногда ретивѣ обвинителей и приговаривали къ крупнымъ штрафамъ или тюремному заключенію.

Въ Батумѣ, въ 1895 году, нѣкая г-жа Бродовская открыла посредническую контору и при ней табльдотъ. Она выписывала изъ Прибалтійскаго края и Москвы молодыхъ дѣвушекъ будто для найма ихъ въ прислугу, а въ дѣйствительности подготавливала ихъ только къ разврату. Обманутыя такимъ образомъ дѣвушки обратились съ жалобой къ предсѣдательницѣ мѣстнаго благотворительнаго общества, а послѣдняя, съ своей

*) См. „Нов. Обзор.“ № отъ 28 февраля 1892 года.

стороны, въ редакцію „Новаго Обозрѣнія“. Газета огласила возмутительный поступокъ Бродовской, воспользовалась фактами уже оглашенными на судѣ въ Батумѣ и занесенными въ протоколъ. Бродовская, покровительствуемая и поощряемая разными тузами изъ судебного и несудебнаго міра, рѣшила примѣрно наказать редактора обличившей ее газеты и подала въ судъ жалобу за диффамацию. На судѣ, въ силу извѣстнаго закона, редакторъ не имѣлъ права представить въ свое оправданіе никакихъ доказательствъ ни письменныхъ, ни словесныхъ. Напрасно подсудимый и его защитникъ указывали, что то, что было оглашено въ газетѣ, было ранѣе этого оглашено на судѣ. Напрасно указывалось на то, что если печатаніе судебного отчета есть диффамация, то каждый разбойникъ, осужденный судомъ, получитъ право наказать редактора за простое оглашеніе отчета объ его дѣлѣ. Судъ былъ неумолимъ и приговорилъ меня къ

УДК 37.013.01
УДК 37.013.01

Оглавление.

Предисловіе	1
Представители Закавказья въ 1-й и 2-й Государств. Думѣ	3
- Хр. Микаэлянъ	35
Кн. К. А. Бебутовъ	45
Архіеп. Хриміанъ	56
✓ П. А. Опочининъ	65
М. Н. Кучаевъ	84
Бар. А. П. Николаи	94
Туземцы-администраторы	100
И. С. Хатисовъ	112
С. Н. Кривенко	122
В. В. Лесевичъ	134
Н. К. Михайловскій	148
Г. И. Успенскій	160
Кн. И. Г. Чавчавадзе	166
Изъ копилки провинціального журналиста	184

Handwritten signature or mark.

Характеристики и воспоминанія

Т. Туманова.

Содержаніе первыхъ двухъ книжекъ

І. Г. Церетели.—И. Хонели (Бахтадзе).—Г. А. Джаншіевъ.—Г. С. Теръ-Степановъ.—А. В. Степановъ.—Гр. Арцруни.—П. А. Измайловъ.—Ал. Казбекъ.—Кн. Раф. Эристовъ.—Кн. Вахт. Орбелиани.—И. Ниношвили.—З. Антоновъ.—Л. Ардазіани.—Н. Бараташвили.—М. Ю. Лермонтовъ.—Русскіе писатели на Кавказѣ.

П. И. И. Свѣдѣнцовъ (Ивановичъ).—В. Л. Величко.—Макс. Горькій на Кавказѣ.—Габр. Сундукіанецъ.—А. Цагарели.—Еще объ А. Казбекѣ и З. Антоновѣ.—Д. Ведробисели (Малиева).—Абг. Иоаннисиани.—Ис. Ег. Питоевъ.—С. К. Зубаловъ.—П. Умикашвили.—А. Т. Нанейшвили.—Кн. Н. Д. Мингрельскій.—Итоги недавняго кавказскаго управленія (кн. Г. С. Голицынъ).—Изъ театральныхъ воспоминаній (къ юбилею грузинской сцены).

Ц. каждой книжки—50 коп.

პარლამენტის პრეზენტი ბიბლიოთეკა

R 1.133/1 0

პარლამენტის
ბიბლიოთეკა